

[Polaris]

Сергей Заяицкий

РУКА БОГА МУ-ГА-ША

Затерянные миры
Том IV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXII

Salamandra P.V.V.

Сергей Заяицкий

**РУКА БОГА
МУ-ГА-ША**

Затерянные миры

Том IV

Salamandra P.V.V.

Заяицкий С. С.

Рука бога Му-га-ша: Повесть (Затерянные миры. Том IV). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 95 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXII).

Загадочное убийство в Марселе, безрукий африканский бог и приключения гостиничного боя Жака – в повести талантливого советского писателя С. С. Заяицкого (1893-1930) «Рука бога Му-га-ша». Повесть публикуется по первому изданию 1928 г.

«Рука бога Му-га-ша» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

С.З А Я И Ц К И И

РУКА

БОГА

МУ

ГА

ША

1
9
2
8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АФГАНИСТАН

**РУКА БОГА
МУ-ГА-ША**

I

МЕДАЛЬОН ГОСПОЖИ ЛАЗАР

15 июля 1914 года был такой же день, как многие другие дни. Но для Жака Дюшу это был день совсем особенный.

Жак Дюшу был мальчик лет четырнадцати, стоявший в вестибюле большой марсельской гостиницы – «Отель де-ла-Мер».

Он был одет в зеленую курточку, доходившую ему до талии, и в длинные брюки с золотыми лампасами. Курточка была обшита тремя тесными рядами золотых пуговиц. Костюм становился Жаку немножко тесен и сидел до того в обтяжку, что нагибался Жак всегда с опаскою. На голове у него была круглая фуражка тоже с золотым галуном и с длинным квадратным козырьком.

Обязанности Жака состояли в оказании постояльцам разных мелких услуг. Он покупал газеты, звал извозчика или таксомотор, бегал в аптеку за слабительными.

При гостинице было еще пять или шесть таких же мальчиков. В свой странный костюм они облакались только на время работы, уходя же домой, надевали свое собственное платье.

Тогда они сразу превращались из кукол в живых людей. Впрочем это случалось обычно уже поздно вечером.

15 июля днем Жака вызвали в сто первый номер, занятый супругами Лазар.

Супруги Лазар ехали из Парижа в Ниццу.

Госпожа Лазар только что получила большое наследство и горела нетерпением показать людям свое богатство. Госпожа Лазар, настоящая парижская лавочница, была довольно смешна в своем платье, сшитом по последней парижской моде. Это была могучая женщина, с красным лицом и с красными руками. Горничная клялась, что слышала, как госпожа Лазар однажды била по щекам своего супруга. В

этом не было ничего удивительного, ибо господин Лазар был тщедушный человек, смиренный и безусловно неспособный оказать сопротивление своей энергичной жене.

Когда Жак, постучавшись, вошел в номер, госпожа Лазар взволнованно рылась на туалетном столике, а господин Лазар сидел у окна и, повидимому, старался занять в комнате как можно меньше места.

– Ты сегодня приносил газету? – накинулась на Жака госпожа Лазар.

– Да, мадам.

– Ты ее положил сюда?

– Да, мадам.

– Хорошо... Ты не видал тут золотого медальона... золотого с бриллиантом?

Госпожа Лазар, произнося эти слова, сверлила Жака своими заплаканными глазками.

Жак покраснел, потом побледнел.

Он не видал никакого медальона. Но он по опыту знал, что если господа спрашивают про какую-нибудь вещь, то, значит, эта вещь пропала, а если в гостинице пропадает вещь, то прежде всего начинают подозревать в краже прислугу.

– Я не видал медальона, мадам, – прошептал Жак, стараясь говорить как можно спокойнее, ибо он понимал, что, проявив волнение, он как бы докажет свою вину.

– Хорошо, – произнесла госпожа Лазар ледяным тоном, – если ты не видал медальона, то куда же он делся?

Вопрос был, можно сказать, убийственный.

Жак молчал, не зная, что сказать.

– Ты молчишь, – продолжала тем же тоном госпожа Лазар, – а я тебе вот что скажу: сознайся-ка лучше и отдай медальон. Все равно, кроме тебя никто не входил в эту комнату.

– Да уверяю вас, мадам... – в тоске прошептал Жак.

Дело в том, что его ненавидел главный швейцар. Жак однажды поколотил его сына, мальчишку, который издевался над заштопанным платьем Жака. А платью это заштопала покойная мать Жака, которая была горничной в этой

же гостинице. От нее у Жака не осталось никакой памяти, кроме заплат на штанах и на куртке. Поэтому Жак не позволял никому над ними смеяться. Если теперь швейцар услышит о пропаже медальона, он, конечно, обвинит во всем Жака.

– Так ты не сознаешься?

– У меня нет медальона...

Жак посмотрел на господина Лазара. Но тот упорно продолжал наблюдать из окна, как выходит в открытое море какой-то большой трехтрубный пароход.

Тогда госпожа Лазар вдруг принялась кричать и визжать, как сумасшедшая.

В ней сразу проснулась парижская лавочница.

– Меня ограбили, – вопила она, – да где же я, в приличной гостинице или в разбойничьем вертепе? Этак меня завтра найдут в постели зарезанной. Этот медальон стоит пять тысяч франков. Пять тысяч, чтоб вас всех разразило!.. Мерзавцы! У этого мальчика все время были воровские глаза. Держите его! Слышишь?.. Ступай за директором.

Последняя фраза относилась к господину Лазару.

Услыхав этот окрик, он съежился и стал как-то еще меньше и плюгавее.

– Милочка, – прошептал он, – медальон найдется.

– А я тебе говорю, что он украден. Понимаешь... Или тебе надо продуть твои ослиные уши? Бревно! Дурак! Меня грабят на его глазах, а ему и горя мало. Не хочешь итти к директору, не надо... Я пойду.

Жак понял, что его дело безнадежно.

Голубое небо, сиявшее за окном, показалось ему серым и мрачным. Быть выгнанным по подозрению в краже!.. Большого несчастья не может себе вообразить ни один мальчик, служащий в гостинице.

Он пролепетал что-то о своей честности, о том, как его прогонят. Но честность, по мнению госпожи Лазар, была свойством лишь людей с хорошим годовым доходом. Вообще же ей не было до Жака никакого дела. У нее украли медальон. Вот что важно и ужасно.

Когда разъяренная дама показалась в конторе, директор почтительно поднялся ей навстречу и, даже не разобрав, в чем дело, принялся орать на Жака.

– Вор! Тебя сейчас поведут в тюрьму. Негодяй! Украсть медальон у такой почтенной дамы. Отдай сейчас же!

– У меня нет медальона.

– А, ты еще врать!.. Ты сгниешь в тюрьме. Говори, несчастный!

Затем, обращаясь к госпоже Лазар, директор прибавил:

– Сударыня, потрудитесь подняться к себе и успокоиться. Все меры будут приняты...

Когда госпожа Лазар, пошумев еще немного, удалилась, директор довольно хладнокровно спросил Жака.

– Ты не крал медальона?

– Нет.

Главный швейцар в это время просунул в контору свою физиономию:

– Он врет, господин директор, – сказал он. – Кроме того, он постоянно грубит... Я готов поклясться, что он уже сплавил медальон кому-нибудь в порту. И к тому же я слышал от многих постояльцев, что у нас потакают прислуге.

– Ну ладно, – сказал директор. Убирайся к чорту. Я обязан удовлетворять своих клиентов. Да и во всяком случае это хорошая остратка для других. Так и быть, я не дам знать в полицию, потому что знаю, что ты не вор. Но сыпья немедленно и без задержек. Переодевайся и марш! Я скажу, что ты удрал.

– Господин директор!..

– Ты слышал, что я тебе сказал? Или ты хочешь, чтоб я сдал тебя с рук на руки жандармам? И без этого будет еще немало возни.

Главный швейцар с наслаждением выдал Жаку его заплатанный наряд и широкополую соломенную шляпу.

Вся прислуга смотрела на Жака со страхом и с состраданием, как смотрят на утопленника или на раздавленного поездом.

– Я говорил господину директору, что это вор, – произнес швейцар наставительно.

Часа через два, когда Жак был уже далеко, госпожа Лазар вошла снова в контору.

– Я извиняюсь, – произнесла она, отирая пот со лба, – медальон нашелся.

Директора не было, но в конторе сидел главный швейцар.

– Ага, – произнес он, – я очень рад. Поздравляю вас, мадам.

– Так что полиция пускай прекратит поиски.

– Я сейчас же извещу префекта.

– А этот франк дайте мальчику.

– С удовольствием, сударыня, – произнес тот и положил франк в карман.

Господин Лазар в этот день не вышел к общему обеду.

Он прикладывал к разным частям своего тела свинцовые примочки. Медальон был найден у него в ночной туфле. Госпожа Лазар совсем не давала ему денег на расходы, а господин Лазар уже давно приглядывался к одному портковому ресторанчику, где у столиков прислуживали провансальские красавицы. В Марселе много ювелиров. Медальон можно было легко продать. Разве он знал, что госпоже Лазар придет в голову совать свой нос в ночные туфли?

Ровно на пять тысяч франков наставила ему супруга синяков. Не обсчиталась ни на один сантим.

А Жак в это время медленно брел по пыльным марсельским улицам.

II

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ВЕДЬМА

В тот же день в семь часов вечера на одной из узких улиц рабочего квартала Марселя собралась толпа народа. Привлечена она была дикими криками, доносившимися со двора грязного высокого дома, мрачные стены которого облупились и были покрыты живописными узорами плесени. В окнах показались головы любопытных. Из полуподвальных кабачков повывлезли их завсегдатаи – разные подозрительные личности, привыкшие обдeldывать свои делишки за бутылкой скверного вина и с револьвером в кармане. Они тоже с любопытством уставились на ворота грязного дома. Ребятишки, босые ноги которых были одного цвета с пыльной мостовой, мчались со всех сторон, громко улюлюкая.

– Хо! Хо! Венецианская ведьма опять пророчествует.

– Ишь, расходилась...

– Венецианская ведьма! Венецианская ведьма!

Заходящее солнце вдруг выглянуло из-за облаков и словно мазнуло по верхушкам домов оранжевой краской. А крики все приближались.

Наконец толпа радостно загудела.

В воротах показалось странное, даже страшное существо: безобразная старуха, почти совершенно лысая и грязная, как мусорный ящик.

Она шла с закрытыми глазами неистово потрясая кастрюлькой и выкрикивала непонятные слова так громко, словно ее резали.

Люди перед ней расступались с некоторым страхом.

Маленькие дети с плачем бросались к матерям.

Наиболее отчаянные из мальчишек, подкравшись, держали ее за лохмотья и тотчас же удирали.

Старуха шла, ничего не видя и не слыша, и продолжала вопить, потрясая кастрюлькой.

– Это она предсказывает несчастье, – говорили некоторые с почтительным страхом.

– А почему же ничего нельзя понять? – возражали скептики.

– Все пророки говорили непонятно.

– Чепуха! Просто сбрендила старуха.

– Морис! – крикнул вдруг какой-то долговязый весельчак, – ты давно искал себе невесту. Хочешь я тебя с ней сосватаю?

Толпа загоготала.

– Чего глотку-то дерете? – возмущенно закричала какая-то женщина, прижимая к груди испуганного ребенка. – Разве не знаете, с чего помешалась старуха? Сына ее на заводе искромсало, как котлету... Прости, господи, мои согрешения. Ну и свихнулась старуха. Ведь у нее на руках внук... А вы хохотать! Черти!

Хохотавшие смутились было, но долговязый парень вдруг гаркнул:

– А эта бабушка уж не сродни ли ведьме? Ведьма номер второй!

И толпа снова захохотала.

Женщина плюнула со злости.

– А, чтоб вас оспа... – начала было она, но в толпе в это время закричали:

– Смотри! Смотри!

Послышался грохот. В узкую улицу повернул огромный, блестящий, как зеркало, автомобиль. Должно быть, какой-нибудь знатный иностранец с высоты своего величия решил осмотреть бедный квартал знаменитого города.

Все произошло в одно мгновение.

Толпа ахнула и шарахнулась, старуха, ничего не видя и не слыша окриков, вдруг испустила болезненный вопль.

Автомобиль сшиб ее с ног и мягко перекатился через нее – сначала передним колесом, потом задним.

Старуха осталась неподвижно лежать на мостовой. Легкая пыль мгновенно заволокла ее и словно соединила с серыми камнями.

Крик смолк.

Пораженная толпа замерла.

Шофер выругался и, воспользовавшись замешательством, с громом исчез за поворотом.

Люди опомнились. Поднялся невообразимый гвалт. Одни звали доктора, другие бросились преследовать автомобиль, который, впрочем, успел уже скрыться.

Один из посетителей кабачка выпалил в воздух из револьвера, чтобы привлечь полицию. От страшного трупы все сторонились.

– А где Жак? – слышались голоса. – Жак! Жак!

Из ворот дома в это время выбежал толстый человек в одном жилете и с вонючей сигарой в зубах. Это был господин Шамуа – хозяин того подвала, где обитала венецианская ведьма со своим внуком Жаком.

Он растолкал толпу и подошел к телу, которое теперь в самом деле было похоже на груды мусора,

– Померла? – спросил господин Шамуа, словно не веря своим глазам. – А где Жак?

– Должно быть, он еще не возвращался с работы.

Появились полицейские. Они хотели было разогнать толпу, но скоро поняли бесполезность своей попытки. Не каждый день приходится видеть такое зрелище. Никто не желал уходить. Провансальцы очень любопытны.

Старуху положили на носилки.

Голова ее повисла, словно гнилая груша, и господин Шамуа с облегчением вздохнул.

– Кажется не воскреснет, – пробормотал он, но пошел за носилками, чтобы узнать мнение врачей в приемном покое.

Дело в том, что господин Шамуа смертельно ненавидел несчастную старуху, но при этом ужасно боялся ее.

Старуха называлась «венецианской ведьмой», ибо была родом из Венеции. Выйдя замуж за провансальца, она перекочевала в Марсель. Было это, впрочем, так давно, что

никто и не помнит в точности, когда появилась она в Марселе. Господин Шамуа был не в ладу с ее сыном. Он злился на него за его строптивый нрав и только и ждал случая выгнать его из своего дома. Когда тот погиб на заводе, раздавленный прессом, а его жена, служившая горничной в «Отель де-ла-Мер», не выдержав потрясения, умерла от паралича сердца, господин Шамуа едва скрывал свой восторг. Он собирался немедленно выбросить на улицу старуху и ее внука, когда с той вдруг сделался припадок безумия. Она пошла на него с закрытыми глазами, крича так, что со всего дома сбежались жильцы. Глупый и суеверный провансалец подумал, что она одержима нечистой силой и перепугался не на живот, а на смерть. За старухой с тех пор упрочилась репутация ведьмы. Господин Шамуа жаловался в полицию, но так как старуха решительно никого не трогала, то не было причин придраться к ней. Тем более, что внук ее Жак работал в гостинице и исправно платил за «угол». Теперь господин Шамуа готов был плясать от радости, идя за страшным трупом. Кошмар, отравлявший ему всю жизнь, наконец-то рассеялся.

Жак был знаменит в околотке своей стойкостью и веселым нравом, но теперь и он упал духом. Деньги, которые он получил в этот день в гостинице, все пойдут на уплату за «квартиру». А ведь нужно было что-нибудь есть. Найти работу труднее, чем набрести на кошелек полный золота. Неужели придется подыхать с голоду?

Жак был глубоко возмущен несправедливостью директора. Ведь он никогда ничего не крал. Он и не видал дурацкого медальона, да если бы и видел, не стал бы его брать. А теперь попробуй-ка, поступи на место. Потребуют рекомендаций. А где их возьмешь! Если бы еще главный швейцар, ожиревший от «чаевых», не был его врагом! А теперь ни о каких рекомендациях не могло быть и речи. Больше

всего Жак не любил быть предметом сожаления. А он знал, что все соседские кумушки будут причитать над ним и давать разные глупые советы. Он поэтому решил не сразу идти домой.

Свернув на большую хорошую улицу, он для развлечения показал язык какому-то разодетому мальчику, важно шествовавшему за руку с нянькой. Мальчик взвыл от обиды, к великому изумлению няньки, не выдавшей проделки Жака.

Затем он окликнул извозчика, а когда тот спросил, что ему нужно, крикнул:

– На луну и обратно! Два су.

Извозчик размахнулся кнутом, но Жак ловко увернулся.

После этого он некоторое время созерцал марсельский порт, где стояли на якоре издалека приплывшие суда.

Недурно быть капитаном такого судна...

Эх! Если б дядя Роберт был в Марселе! Дядя Роберт был младший брат отца Жака. Независимый по характеру, он не мог ужиться ни на одном из марсельских заводов и прослыл на всю округу нахалом и грубияном. Теперь он был где-то не то в Африке, не то в Южной Америке. Далеко. Отсюда не видать. А дядя Роберт наверное что-нибудь придумал бы.

Наконец, стараясь отгонять мрачные мысли, Жак побрел восвояси.

Едва он завернул на свою улицу, как со всех сторон раздались крики:

– Жак идет! Жак идет!

Опять из окон домов высунулись любопытные головы. Мальчики, приятели Жака, окружили его.

– В чем дело?! – спросил Жак, удивленный таким приемом.

– Твою бабушку раздавил автомобиль! – крикнули почти одновременно все бывшие на улице.

Каждому хотелось огорошить Жака ужасной новостью.

Жак огляделся по сторонам.

– Как – раздавил? – пробормотал он растеряно. – Где? Когда?

– Да вот с час тому назад. На этом самом месте.

И все начали наперерыв рассказывать ему в чем дело.

Многие смотрели на него с участием, хотя любопытство преобладало.

Господин Шамуа стоял у ворот и ожидал Жака с тупым торжеством.

Он узнал в приемном покое, что старуха умерла окончательно и бесповоротно, и у него словно гора свалилась с плеч.

Толпа замерла в ожидании предстоящей сцены.

– Ну-с, – произнес среди всеобщего молчания господин Шамуа, когда Жак приблизился, – ты мне должен пять франков за прошлое время. Где они?

– Вот они, – сказал Жак, чувствуя, что все на него смотрят и стараясь быть спокойным, хотя слезы душили его.

– Верно. Тут ровно пять франков.

Господин Шамуа тоже чувствовал на себе множество любопытных взглядов, а потому старался проявить особую важность. Он не спеша сосчитал деньги и сунул их в карман.

– А теперь забирай свой скарб и убирайся к чорту.

В толпе зрителей пронесся гул одобрительных и неодобрительных возгласов.

– Правильно, – говорили хозяева домов и квартир.

– Ах, животное! – пробормотали бедняки.

Но все продолжали с интересом смотреть на Жака.

Жак, прикусив губы, чтобы не разреветься, быстро прошел во двор. Через пять минут он появился с небольшим мешком за плечами.

Господин Шамуа продолжал стоять в позе Наполеона, созерцающего Бородинский бой.

Зрители все еще не расходились.

– Жак, иди жить к нам! – крикнула какая-то сердобольная женщина.

Но тот вовсе не был настроен благоразумно.

Его обуревали слишком сильные чувства.

Из ворот по жолобу тек вонючий и грязный поток.

Жак рукой зачерпнул жидкой грязи и шлепнул ее прямо в величественное лицо господина Шамуа.

А потом бросился бежать во все лопатки.
Дикий хохот, загремевший на улице, был ему наградой
и утешением.

Жак не уронил-таки себя в глазах общества.

III

АСТРОНОМИЯ НА ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК

Жак все бежал, ибо боялся, не помчался бы за ним господин Шамуа. Но у того глаза были так основательно залеплены грязью, что он решительно не был способен ни на какое преследование. Да и толпа, хохотавшая кругом, не давала ему сделать ни шагу.

Наконец господин Шамуа плюнул, выругался последними словами и выразил надежду, что Жака когда-нибудь повесят.

Между тем над Марселем уже опустилась теплая летняя ночь. В просветах между облаками сверкали звезды. На больших улицах было светло, как днем, в кафе звенели стаканы и чашки и заливались скрипки.

Жаку не очень хотелось толкаться среди нарядной вечерней толпы. Костюм у него был далеко неказистый, да и мешок за плечами не внушал особенного доверия. На голове у него была широкополая соломенная шляпа. Ее он вытащил однажды из воды во время купанья, и шляпа от пребывания в море утратила свою свежесть.

«Еще, чего доброго, примут за карманника», – подумал Жак.

Через узкий переулок Жак вышел на бульвар и остановился в нерешительности. Это была возвышенная южная часть города. На бульваре было пустынно. Вдали трепетали городские огни. Жаркий ветер порывами несся с моря.

– Куда же итти? – пробормотал Жак.

Итти было решительно некуда.

Вдруг порыв ветра пролетел по бульвару и подхватил шляпу Жака.

Шляпа быстро покатила влево, и Жак побежал за нею.

Но шляпа, как это часто бывает, вздумала поиграть с ним словно живая.

Она то мчалась с быстротой автомобиля, то замирала, будто собираясь с силами, но как только Жак протягивал руку, она тотчас катилась дальше.

Внезапно она заметалась из стороны в сторону и окончательно успокоилась у треножника, на котором была укреплена большая подзорная труба.

Жак поднял шляпу и крепко нахлобучил ее себе на голову.

С этой части бульвара открывался днем чудесный вид на залив и на городские предместья.

Теперь, в темноте, город казался огромною черною подушкою, усыпанною огненными бриллиантами.

Жак не раз видал, как гуляющие по бульвару господа платили хозяину трубы монету а затем прикладывали к трубе один глаз.

Вероятно, это было очень интересно. Иначе зачем же за это платить?

Жак был от природы любознателен.

Он еще ни разу в жизни не глядел в такую трубу.

Хозяин трубы в этот миг стоял к Жаку спиной и шутил с продавщицей фруктов.

Труба была направлена прямо на город.

Жак решил, что если он ничего не заплатит, а просто посмотрит, то большой беды в том не будет.

Побуждаемый любопытством, Жак забыл и трагические события этого дня, и свой голод, и свое темное будущее.

Он закрыл левый глаз ладонью, а правый прислонил к трубе, встав для этого на цыпочки.

Он увидел большую комнату, ярко освещенную. Она была словно обрамлена черною рамой. Жак понял, что это стена дома и что комнату он видит через большое окно. За столом в комнате сидел человек и что-то писал или чертил.

Жак отвел глаз от трубы.

Видение исчезло, словно растаяло во мраке.

Вдали попрежнему сверкали огни города.

Жак опять приложил глаз.

Человек продолжал сидеть за столом. Но теперь Жак увидел, что позади этого человека образовалось вдруг черное

квадратное пятно. Из этого пятна выплыл другой человек, у которого... не было головы. Человек без головы медленно приблизился к сидящему и вдруг, взмахнув рукою, опустил руку ему на спину.

Жак в этот миг получил основательный подзатыльник и здорово ударился лбом о трубу.

Хозяин трубы стоял перед ним, подняв руку для второго подзатыльника.

– Там кого-то убили, – пробормотал Жак.

– Сатурн убил Марса или Венера Юпитера. Клянусь святою Варварою, если ты еще раз подойдешь к этой трубе ближе, чем на сто шагов, я тебе доставлю случай на самом себе испытать если не убийство, то во всяком случае изрядную потасовку. Брысь!

Жак опять побежал под хихиканье торговки фруктами.

Перед его глазами все еще носилось странное видение, выхваченное трубой из ночного мрака. Теперь оно было навсегда потеряно. Жак, ударившись головою о трубу, сдвинул ее. Даже если бы у него были деньги, чтобы заплатить хозяину трубы, то он все равно не мог бы наставить ее на прежнее место.

IV

ТРУДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Жак опять побрел на набережную, но не на ту набережную, по которой вечерами фланирует нарядная марсельская толпа, а к торговым молам, где он питал, довольно правда смутную, надежду зацепить какую-нибудь работу.

В порту жизнь еще не замерла. При свете огромных электрических фонарей нагружались и разгружались пароходы. Невыносимо визжали цепи лебедек. Кто-то хрипло ругался во мраке.

Жак присел на ящик рядом с каким-то франтоватым парнем.

Франтоватый парень презрительно насвистывал песенку, засунув руки в карманы. Он поднял воротник пиджака, ибо с берега потянуло северным ветром. Долго оба сидели молча.

– Ого! – произнес наконец парень, прислушиваясь.

Дело в том, что в желудке у Жака шло такое бурчанье, словно там состязались гоночные автомобили.

Жак с утра ничего не ел.

Его внутренности протестовали против поста и бурчанием выражали сильнейшее недовольство.

Жак кивнул головой.

– Пусто, – сказал он.

– Рыболов? – спросил парень, – за дельфинами или за мелкою рыбешкою?

Жак не понял.

– С места прогнали! – с негодованием объяснил он и рассказал, в чем дело.

– Ну, а медальон-то ты продал? – спросил парень, внимательно выслушав.

Жак с недоумением уставился на него.

Парень так и покатился со смеху.

– Ну, ладно, сознавайся, – сказал он, – думаешь – я фараон под сурдинку? Не бойся, свой брат.

Жак разозлился и хотел было итти, но парень остановил его.

– Постой, – сказал он, – ты мне нравишься... Ты чего собственно ищешь?

– Работы.

– А у тебя есть родные, чтоб похоронить тебя, когда ты умрешь голодной смертью?

Жак опять поднялся.

Но парень снова удержал его.

– Экий беспокойный, – сказал он. – Что ж ты будешь искать работы, сидя на этом ящике или, пожалуй, сдуру пойдешь шататься по пароходным конторам?

– Пойду, – пробормотал Жак, глядя на проходившего мимо старого негра, несшего в руках узелок.

Парень поднял камень и размахнулся, как бы желая запустить им в негра. Жак схватил его за руку.

– С чего это ты! – воскликнул он. – Гляди, негр совсем старый.

Негр между тем хмуро поглядел на них и с ворчаньем продолжал свой путь.

– Не люблю черномазых, – зевая, проговорил парень. – Да, впрочем, чорт с ним. Не стоит ради него отмахивать себе руку. Ну, так где же ты будешь искать себе работу?

Жак ничего не ответил и погрузился в раздумье.

Этот негр напомнил ему другого негра, только молодого, содержавшего бар около пристани. Жака часто посылали к нему с каким-нибудь порученьем из гостиницы, и чернокожий кабатчик всегда относился к нему благодушно.

«Разве к нему пойти?» – подумал Жак.

Парень между тем продолжал.

– Это в прежние времена в Марселе нехватало рабочих рук, чтобы грузить и выгружать всякую дребедень. Теперь один механик делает больше, чем сто человек. Чтобы чорт побрал эти подъемные краны! Нет, брат! В наше время работы не просят. Ее берут с бою. Или пан или пропал...

Видя, что Жак не понимает его, он продолжал.

– Когда я был в твоём возрасте, я вот тоже один раз остался без денег, да с пустым желудком. Рыбу ловить я тогда ещё побаивался. Ну, так я пробрался ночью на пароход и залез в трюм, а потом вылез в открытом море. Конечно, рисковал. А на поверку вышло, что капитан даже обрадовался: у него заболел поваренок, и меня приспособили помогать коку. Потом мне надоело... Я удрал.

Жак поглядел на пароход, стоявший у мола. Пожалуй, на него можно было бы пробраться... Конечно, это был очень рискованный способ. Лучше было сначала поговорить со знакомым негром.

Парень между тем вдруг встал и медленно побрел по набережной. Навстречу ему шел какой-то толстяк в панаме и белом пальто.

Парень вдруг споткнулся и брякнулся на мостовую, а толстяк перелетел через него.

Страшно ругаясь, он поднялся с пыльной мостовой и вдруг завопил:

– Бумажник!

И бросился преследовать во мраке франтоватого парня.

Жак не стал вдумываться в это дело.

Однако такая «работа» не привлекала его.

Он пошел к знакомому негру.

Негра звали господин Минюи, что значит «полночь». Так прозвали его марсельские весельчаки за его черноту.

Бар «Носорог» был ярко освещен. Над его входом причудливо вертелось огненное колесо. Люди входили и выходили из его стеклянной двери.

Зная, что швейцар ни за что не пустит его с этого входа, Жак проскользнул на темный двор, чтоб пройти с заднего хода. Он ходил тут уже много раз.

Повар, вертевший у двери мороженое, не удержал его, ибо хорошо знал Жака в лицо.

Он только крикнул ему:

– Что ж не в форме!

– По дороге домой, – коротко ответил Жак.

Пройдя каменный коридор, он заглянул в контору.

Минюи сидел за американскою конторкою и как-то странно теребил свои курчавые волосы. Он был очень красив, этот Минюи в своем фраке и ослепительно белом воротничке.

Жак осторожно вошел, слегка постучавшись.

Негр вдруг вскочил, словно его ужалил тарантул, и замер, с ужасом глядя на Жака.

– В чем дело? – пробормотал он.

– Виноват, мосье... Нет ли работы, мосье?..

Минюи молча сел на свой стул, словно все еще не пришел в себя.

– Работы! – пробурчал он, наконец, и вдруг заорал: – К дьяволу!

И бросился на Жака с поднятыми кулаками.

Жак так и выкатился на двор.

Он был в полном недоумении.

Минюи никогда не обращался с ним так грубо.

– Ах, черномазый дьявол! – прошептал Жак, – ну, погоди ж ты у меня!

Выйдя на улицу, Жак почувствовал свое полное одиночество. Пожалуй, он зря так круто обошелся с господином Шамуа. Теперь в тот квартал не сунешься, а там у него были кое-какие знакомые.

Ему вдруг вспомнился странный совет, который дал франтовый парень.

«Разве попробовать? – подумал Жак, – ведь не бросят же меня в море, а если и бросят, – не велика беда... Все равно погибать».

Рассуждая так, Жак врал самому себе: погибать ему не хотелось.

Он был очень молод, очень предприимчив, а главное, его соблазняла мысль работать на пароходе. Уж очень много интересных вещей рассказывали ему моряки.

Жак дошел до того мола, где он встретился с франтовым парнем.

Пароход стоял на прежнем месте, но по некоторым признакам было видно, что он собирается наутро отчалить.

Где-то в его недрах начинало мерно биться паровое сердце.

Очевидно, приказано было держать машину под парами.

На корме Жак прочел название парохода – «Габония».

На пароходе было темно и на корме среди канатов раздавался чей-то мерный храп.

По набережной расхаживал часовой.

Между пароходом и молом было расстояние всего в два или три фута. Черная стена парохода круто уходила вниз. Слышно было, как внизу плескалось море, но в темноте воды не было видно.

Жак выждал, когда часовой отвернулся от него, а затем с ловкостью кошки перемахнул на пароход.

Он сразу съежился, чтоб его нельзя было заметить с пристани, и стал ощупью пробираться среди груды канатов.

Храп на секунду прекратился.

– Это ты, Клод? – послышался сонный голос.

Затем храп раздался снова.

Жак замер было на месте, но затем продолжал свой путь.

Большой фонарь, горевший на пристани, погас.

Стало вдруг совершенно темно, и Жак услышал ругань часового на пристани.

– Если они не будут следить за фонарями, я отказываюсь сторожить. Черти! Дармоеды! Разве тут что-нибудь увидишь? Я же докладывал надзирателю, что фонарь начинает дурить. Сволочи!

Жак, воспользовавшись темнотою, стал быстро пробираться к тому месту, где, по его мнению, должен был находиться вход и трюм.

«Лишь бы люк не был заперт», – подумал он и тут же решил: – А заперт – не велика беда. Вернусь обратно».

И в этот самый миг он вдруг полетел куда-то в пространство. Еще миг – голова его ударилась обо что-то твердое, целый сноп зеленых и красных искр посыпался у него перед глазами и он потерял сознание.

СЕНСАЦИОННОЕ УБИЙСТВО

Утром 16 июля было настоящим праздником для газетных торговцев.

Газеты раскупались нарасхват, и люди натыкались друг на друга, читая на ходу.

Дело в том, что в этот день все марсельские газеты вышли с подзаголовком, напечатанным крупным шрифтом:

«Таинственное убийство Жана Лактьера».

Жан Лактьер был одним из наиболее видных марсельских граждан. Сын богатого судовладельца, он продолжал торговые операции своего отца, которые состояли главным образом в покупке слоновой кости у негрских племен Нижней Гвинеи. Но Жан Лактьер не ограничился одной только наживою. Он проник в самые недра африканского материка, изучая нравы и обычаи негрских племен, живших по течению реки Конго и еще дальше в совершенно еще неизвестных местностях. Постепенно он превратился из торговца в ученого исследователя и напечатал две толстые книги о неграх, которые были признаны весьма ценными. Несколько раз храбрый путешественник подвергался смертельной опасности, но это только еще больше подзадоривало его. Он собрал замечательную коллекцию негритянской посуды, оружия, идолов и т. п.

Его дом в Марселе был настоящий музей, посещавшийся многими европейскими и американскими учеными. Суровый и негостеприимный по нраву, он пускал к себе в дом с большим выбором. Негров он не считал за людей, и его книга «Негры и рабочий скот» вызвала в ученном мире оживленную полемику. Во время одного из его путешествий в тропическом лесу на него напал удав и обвинил его своими пестрыми кольцами. Спутник Лактьера не растерялся и убил чудовище из револьвера. Но удав успел сломать

ему руку и ногу. С тех пор Жану Лактьеру пришлось отказаться от путешествий. Он поселился навсегда в Марселе, был избран в муниципальный городской совет, писал статьи по экономическим вопросам, главным образом касаясь колониальной политики Франции. Иногда он гулял по набережной, опираясь на свой костыль.

Его знали все марсельцы, а няньки пугали им своих капризных питомцев, так как у него было в самом деле очень строгое лицо. Опаленное тропическим солнцем, оно навсегда осталось смуглым, что придавало ему еще больше суровости.

И вот теперь этот самый Жан Лактьер оказался героем газетной сенсации.

Посмотрим, что писал по этому поводу «Марсельский обозреватель», самый осведомленный орган, имевший в числе своих корреспондентов лучших сыщиков.

«Вчера вечером Жан Лактьер по обыкновению работал в своем кабинете. Слуга его Этьен говорит, что, находясь все время поблизости от кабинета, он не слышал никакого подозрительного шума. Обратил он внимание лишь на то, что телефон, стоявший в кабинете на столе, звонит уже несколько раз, но господин Лактьер не брал, повидимому, трубки. Этьен сначала решил, что его барин просто не хочет отрываться от работы и потому не отвечает. Однако он тут же сообразил, что в таком случае было бы проще выключить телефон, тем более, что звонки следовали один за другим, а господин Лактьер был очень раздражителен. Наконец, встревоженный какими-то смутными догадками, Этьен решил заглянуть в кабинет. Он увидел, что его хозяин сидит в кресле перед столом, страшно скрючившись и положив голову на стол.

Этьен подумал было, что тот спит, но его поразила неестественность позы и странная неподвижность тела.

Он осторожно подошел и увидел, что все кресло залито кровью. Этьен закричал, и вся прислуга сбежалась. Немедленно дали знать полиции. Вызванный по телефону врач констатировал смерть от раны, нанесенной в спину ножом.

Комната была тщательно обследована. Большое окно кабинета, представляющее собой сплошное стекло, оказалось запертым и стекло целым.

Стало быть, надо предполагать, что убийца проник через дверь.

Никаких следов борьбы не было заметно. Очевидно, смерть последовала мгновенно и неожиданно. Одно обстоятельство придает всему происшествию особую таинственность. Золотой портсигар, лежавший на столе, а также деньги, находившиеся в незапертой шкатулке, оказались целы. Не был снят с пальца убитого и перстень с изумрудом очень большой ценности. Очевидно, целью убийства не был грабеж. Прислуга, подвергнутая строжайшему допросу, не могла ничего сообщить. Только негритенок, работающий на кухне, говорит, что видел высокого человека с рыжими усами, проходившего через кухню приблизительно около того времени, когда Этьен начал прислушиваться к телефонным звонкам. Однако и он не уверен, что ему это не померещилось, так как он только что проснулся. Больше в кухне в это время никого не было.

Следствие продолжается».

Южане падки на всякие сенсации, тем более, что в то время в мире не происходило ничего такого, что могло бы особенно занять легкомысленные умы.

Около дома Лактьера толпились люди, ожидающие новостей. Шныряли газетные репортеры со своими велосипедами.

Говорили, что из Парижа выписан знаменитый сыщик Шарль Рекло. Однако пока всем приходилось довольствоваться описаниями комнаты убитого и его биографией.

Больше газеты не могли сообщить ничего интересного.

Знаменитый Шарль Рекло приехал на другой день, но не пожелал принять ни одного корреспондента. Обиженные газеты принялись подсмеиваться над знаменитым сыщиком, который окружал себя такой таинственностью. Появилась карикатура, где сыщик был изображен сидящим под стеклянным колпаком.

Но тот продолжал держаться величественно и независимо.

Швейцар гостиницы «Терminus», где жил Шарль Рекло, на вопросы бесконечных посетителей неизменно отвечал:

– Господин Рекло никого не принимает.

VI

НЕВИДИМЫЙ СОБЕСЕДНИК

Когда Жак очнулся, он долго не мог сообразить, где он. Кругом был совершенный мрак.

Лежал он на чем-то мягком, но в то же время он испытывал какое-то легкое постоянное трясение, сопровождаемое глухим шумом.

Жак поднял руку.

Рука не уткнулась ни в какую преграду, да и дышать было довольно легко. Значит, он не в гробу.

Жак припомнил все, что с ним произошло, и сообразил, что он находится в трюме «Габонии». Очевидно, он в темноте провалился в люк и треснулся обо что-то головою.

– Ну и положение, – пробормотал он и попытался приподняться.

Он тотчас же опять упал вне себя от ужаса.

Цепкая рука впилась ему в горло и повалила на спину.

– Будешь ты молчать? – прошептал голос на таком ломаном французском языке, какого Жак не слышал еще во всю свою жизнь.

– Буду, – прохрипел он, чтобы не быть окончательно задушенным.

Рука словно растаяла во мраке.

Жак молчал, не зная, что предпринять.

Было очевидно, что кто-то залез в трюм тайком, так же, как и он, и не желает быть обнаруженным.

В конце концов это мог быть такой же бедняк, как и он.

Жаку было не по себе. Он чувствовал слабость во всем теле, сердце его усиленно билось, а во рту пересохло.

Он понял, что это дает себя чувствовать голодовка.

Его таинственный компаньон, очевидно, совершенно не шевелился, ибо никакого шороха кругом не было слышно. Окликнуть его Жаку было как-то жутко.

Чтоб не чувствовать голода, Жак принялся было кусать палец, но это мало помогло.

А мерное потряхивание продолжалось. Казалось, что рядом дышит и фыркает какое-то чудище.

«Очевидно, мы уже вышли в море», – подумал Жак.

При мысли, что теперь там наверху сияет яркое южное солнце и легкий ветерок веет по синему морю, Жака взяла досада. Он мысленно выругал парня, посоветовавшего ему залезть в трюм.

«Лучше уж подохнуть на свежем воздухе, чем в этой могиле. Дают советы, болтают языком, благо, не им играть в мертвеца».

Он хотел заснуть, но сон бежал от него, словно испуганный стуком крови в его висках.

К тому же и лежать было очень неудобно. «Габония» была, повидимому, нагружена пустыми бочками.

Прошло еще несколько часов, и муки сделались нестерпимыми. От моряков Жак слышал, что когда голодаешь, нужно как можно сильнее перетянуть себе живот. Но у него не было ремня.

«И чорт выдумал эти подтяжки», – думал Жак, приходя все в большее и большее отчаяние. Заговорить снова он не решался. Почувствовать вторично на своем горле стальные пальцы? Ни за что на свете...

Однако в конце концов от духоты и голода сознание стало у него мутиться. Вдобавок во рту пересохло совершенно, и ужасно хотелось пить.

Он не выдержал и слегка застонал.

Впрочем, он тут же раскаялся в этом и невольно схватился за горло.

Однако рука на этот раз не вцепилась ему в глотку.

Вместо этого Жак вдруг почувствовал во мраке под самым своим носом запах хлеба.

Он протянул руку, схватил хлеб и принялся жевать.

– Пей, – произнес в темноте голос все с тем же ужасным акцентом.

И в рот Жака уткнулась фляжка с водою.

«Этот устроился с удобством», – подумал Жак, жадно глотая воду.

Теперь он стал чувствовать себя гораздо спокойнее.

Если бы не мрак и не духота, он был бы даже доволен.

Однако заговорить он все же не решался.

Голос в темноте между тем пробормотал:

– Насытил ли тебя хлеб и утолила ли вода?

– Спасибо, – прошептал Жак как можно более почти тельно.

С таким человеком не приходилось ссориться.

– И ты опять силен?

– Да.

– Когда ты вновь почувствуешь в животе пустую яму и в горле высушенный ручей, ты позовешь меня, но так тихо, как ходит кошка.

«Однако он недурно изъясняется, – подумал Жак, – видно, порядочный человек».

– А вы не знаете, – спросил он, – как вылезти из этого трюма?

– Знаю, но не скажу тебе. Тебе знать это все равно, что знать сколько пальм в лесах Кио-тао.

– Почему же? – робко прошептал Жак.

– Потому что я задую тебя, если ты сделаешь шаг.

Жак поспешил прервать разговор, принимавший неприятный оборот.

– Значит, мы будем сидеть в трюме? – решил он спросить, помолчав часа два.

– Я сидеть, а ты лежать... А иногда я лежать, а ты тоже лежать.

– А надолго у вас хватит провизии?

– На десять солнечных кругов...

– А потом?

– А потом мне принесут еще на десять кругов.

Жак почувствовал к странному незнакомцу глубокое почтение.

Вот так можно пускаться в путешествие.

– А мы не задохнемся здесь?

– Если мы задохнемся, то ведь после не мы будем плакать об этом.

– Так-то оно так... но говорят, задыхаться вообще очень... неприятно.

– Думающий о весельи пусть идет петь песни и топтать ногами пустую землю. Разве ты пришел сюда, чтобы трубить в трубу радости?

Жак хотел сказать, что он не пришел сюда, а шмякнулся, как идиот. Но он боялся как-нибудь разозлить невидимого спутника.

Пароходная машина продолжала работать все так же мерно и упорно.

– А куда мы едем? – спросил Жак.

– Туда, где на песке отпечатываются пятки людей.

– Где же это такое?

– У тебя десять языков, что ты не даешь отдохнуть одному из них, – строго прошептал голос. – Да разбухнут слова у тебя во рту.

Жак на этот раз умолк надолго.

Над головой порой слышался какой-то грохот, словно бегали люди.

Должно быть, матросы исполняли какие-нибудь приказания.

Недурно было бы сейчас очутиться на палубе. А тут даже не разберешь, что сейчас – ночь или день.

И как это он отважился сделать такую глупость?..

Когда ему снова захотелось есть, он нерешительно намекнул на это.

Теперь в темноте запахло каким-то очень вкусным сухарем, а в рот полилось холодное кофе.

«Лихо! – подумал Жак, – ах, если бы не духота».

Он осторожно повернулся на бок и заснул, решив не думать о будущем.

Когда он снова проснулся, картина не изменилась.

Такой же мрак окутывал его, все так же трудно было дышать и все так же постукивала пароходная машина.

– А далеко до той страны... где... у людей пятки в песке? – спросил он с некоторым страхом.

– Разве кто-нибудь считал волны на великой воде?

– Трудновато сосчитать, – согласился Жак.

Его успокаивало только то, что он до сих пор еще не задохся. Очевидно, как ни скудно проникал сюда воздух, он все же находил для себя невидимые щели и ходы.

«Поживем – увидим», – подумал Жак.

Он старался развлечь себя, вспоминая свою марсельскую жизнь. Но как нарочно лезли в ум только самые мрачные истории. Медальон, оказавшийся причиной стольких несчастий, не выходил у него из головы.

Потом ему вспомнилось странное видение, явившееся ему, когда он глядел в подзорную трубу. Как это возможно, чтобы у человека не было головы? И зачем он взмахнул рукою? А может быть, эти трубы всегда показывают все широт-навыворот.

Стуки шли, но день и ночь сливались в беспросветном мраке. Если бы не еда и не сон, Жак умер бы с тоски.

– Как вы думаете, долго мы уже плывем? – спросил он однажды.

Ответ последовал не сразу.

– Еще два дня мы будем есть старую пищу и утолять жажду мертвыми плодами.

Мертвыми плодами незнакомец называл фруктовые консервы, ибо вода протухла.

– А потом?

– Нам принесут еще.

– Значит, мы едем неделю?

– Пусть слова разбухнут у тебя во рту, – опять сердито проговорил незнакомец.

Прошло еще много часов.

Однажды Жак проснулся со странным ощущением потери. Ему чего-то нехватало и он испытывал какое-то беспокойство. Словно он во сне что-то потерял.

Вдруг он понял причину этого: не было слышно стука машины.

Мертвая тишина царила кругом.

«Должно быть, мы пришли в какой-нибудь порт, – подумал Жак, – но тогда почему же вообще так тихо? Даже не слышно, чтоб грузили уголь».

– Пароход остановился? – спросил Жак.

Он не получил никакого ответа.

Мысль, что он остался один в этом мраке, привела его в такой ужас, что он вскопчил, обливаясь потом.

Тяжелая рука снова толкнула его.

Он лег и несколько успокоился.

– Вы не голодны? – спросил он, желая намекнуть, что как будто пора и поесть.

– Я голоден, – спокойно отвечал голос, – но мне нечем наполнить пустоту моего живота.

– А вы говорили, что вам принесут еще? – пролепетал Жак.

– Слова человека пыль, разносимая самумом. Завтрашний день – ночь без луны. Я жду давно...

– И ничего?

– Ничего.

– А почему так тихо кругом? – дрожа всем телом, проговорил Жак.

– Разве у меня есть глаза и уши там наверху?

Они ждали еще очень долго. Никто не нес пищи. И все та же мертвая тишина царила в непроглядном мраке.

VII

ОДНОРУКИЙ БОГ

Луна взошла такая яркая, а звезд на небе было так много, что кругом было видно так же далеко, как в полдень. Скалы, темнокрасные днем, теперь казались совсем черными. Только тот их бок, который был обращен к луне, горел серебром. За этими скалами тянулась пустыня, и слышно было, как там выли гиены и плакали шакалы. В другую сторону уступами шли вниз густые заросли, переходившие в огромный тропический лес. И в зарослях и в лесу тоже пробуждалась ночная жизнь.

Иногда откуда-то издалека доносился могучий голос льва.

Этот голос был очень страшен, но храбрый Алэ не затыкал своих украшенных ракушками ушей. Он мог спокойно слушать этот голос, сулящий смерть. Ему не было страшно: он слышал его каждую ночь с тех пор, как стал слышать.

Храбрый Алэ был черен, как грозовая туча. Еще только тридцатую ракушку нанизал он на свое ожерелье, а уже племя признало его своим вождем, ибо никто не мог дальше и вернее бросить копьё, ни у кого не было таких быстрых ног и могучих плеч. У Алэ был глаз зоркий, как у орла, когда тот с высоты неба высматривает на земле добычу.

Сейчас Алэ сидел, скрестив ноги, под огромным баобабом, который был старше самых старых гор.

Рядом с ним в высокой траве лежал Чатур, старый воин, борода которого была седа, а лысина покрыта глиной, чтобы защитить голову от солнца.

Чатур уже не мог бы задушить пантеру, как бывало прежде.

Пальцы его рук страшно распухли и напоминали корни дерева. Он все время слегка шевелил ими, словно боялся,

что они вдруг застынут. Много лет жил Чатур, и каждый раз, видя как заходит солнце за землю, прощался с ним. Думал, что не увидит утра. Но дух жизни крепко сидел в нем, должно быть, сросся с его черным телом.

В стороне, на поляне виднелись тростниковые хижины, напоминавшие стога сена.

И Алэ и Чатур молчали.

Чатур перебирал ожерелье из ракушек, висевшее у него на шее. Когда ему исполнился год, мать повесила ему на шею это ожерелье; на нем была тогда всего только одна ракушка.

Теперь этих ракушек было так много, что никто в племени не мог сосчитать их.

Вчера еще Чатур прибавил одну ракушку, ибо солнце взошло еще раз из-за вершины Острой горы, а это значило, что еще один год минул.

Он лежал и смотрел на луну, слегка прищурившись, так ярок был ее блеск.

Алэ, казалось, был полон мрачных раздумий.

Брови его хмурились и ноздри раздувались, словно он чуял врага.

От времени до времени он поглядывал вниз на огромные заросли.

Далеко-далеко над лесом трепетало еле заметное алое зарево. Иногда словно какой-то гром доносился оттуда и тотчас смолкал.

Алэ, спокойно слушавший голос льва, затыкал уши, когда слышал этот гром.

– Сегодня слышно лучше, – пробормотал он наконец.

Чатур не торопился отвечать. Старик, который торопится, смешон. Разве мудрость и медлительность не одно и то же?

– И зарево сегодня ярче, – проговорил он. Они снова замолчали.

Из одной хижины донесся резкий крик ребенка.

– У Магуры родился четвертый сын... Это он кричит? – спросил Чатур.

Алэ кивнул головой. Магура была его жена.

– Он лучше бы сделал, если бы умер сразу, как только увидал свет солнца, – прошептал Алэ, снова покосившись на зарево.

– Не говори так, – остановил его Чатур, – что ты знаешь? Алэ встал.

– Я хочу посмотреть на них, – сказал он поднимая лежавшее в траве копые. – Ты пойдешь со мною, Чатур?

– Но разве ты не смотрел на них вчера? Разве ты не смотришь на них всякий раз, как земля надевает шапку ночи?

– Я хочу посмотреть на них, – упрямо повторил Алэ и пошел, положив копые себе на плечо.

Чатур медленно поднялся с травы и долго разгибал спину. Потом он крикнул.

– Я иду!

Алэ остановился и подождал его.

Затем они оба направились к скалам, разбросанным в беспорядке у преддверия пустыни.

По едва заметной тропинке стали они подниматься, причем Алэ часто должен был останавливаться и протягивать Натуру руку.

Уже тростниковые хижины были внизу под ними.

Пустыня, усыпанная скалами, казалась при луне морем расплавленного серебра. Черные точки – гиены и шакалы – двигались по этому морю. Но Алэ и не глядел на пустыню.

Поднявшись на самую высокую скалу, он оглянулся назад, в ту сторону, где сияло зарево.

С этой скалы ясно были видны какие-то вспыхивающие огни, снопы искр, взлетающие иногда на воздух. Гром доносился сюда чаще и звучал еще страшнее.

Чатур сел на камень, ибо устал от подъема, и бесстрастно созерцал даль.

Алэ, стоял, раздувая ноздри, и копые дрожало в его руке.

Казалось, это зрелище производило на него впечатление. Он даже как-то сгорбился на секунду, но затем опять гордо выпрямился.

Там, за лесом, французы строили железную дорогу.

Много неожиданных богатств нашли они в диких недрах знойной Африки. Нужно было проложить в глубину мате-

рика прочный путь, чтобы не было задержки для потока товаров и денег. Сотни негров сгоняли они на постройку дороги, которая дошла уже до середины леса. И днем и ночью молоты стучали о сталь, пылали горны мастерских; топорами рубили деревья. Старые баобабы, срубить которые топором было так же мудрено, как срезать сосну перочинным ножом, вырывали динамитом.

Тогда-то по лесу разносился гром, заглушавший на миг и рык льва и вой пантеры и заставлявший содрогаться Алэ.

С каждым днем все ближе и ближе приближались эти грозные огни и этот гром.

Скоро он раскатится над самым ухом Алэ. Тогда белые люди придут с кнутами и погонят его копать землю заступом, а Магуру заставят раздувать меха в кузницах.

При этой мысли Алэ даже задрожал.

Он почувствовал глубокую ярость.

Сам не зная, для чего это делает, он взмахнул копьем и кинул его в зарево.

Алэ дальше всех кидал копье.

Но с этой высоты оно пролетело не больше, чем тростинка, брошенная ребенком.

Оно упало между сухими скалами, казалось, у самых ног Алэ, а издали снова донесся гром, и язык пламени метнулся в небо.

Чатур покачал головою.

Алэ кусал себе губы и ногтями рвал ладони. Он вдруг понял свое бессилие.

Они еще долго оставались на скале.

Чатур, видя, наконец, как страдает Алэ сказал:

– Пойдем.

Вниз идти было легче, чем подниматься.

Луна теперь была ниже, и тени идущих ложились яуть не на всю пустыню.

Сойдя со скалы, они обошли деревню и шли молча, не спрашивая друг друга, куда идут. Оба знали.

В стороне возле зарослей стоял большой белый камень, на котором при свете луны чернели слова.

Ни Алэ, ни Чатур не могли прочесть этих слов, но они знали, что там написано:

ЖАН ЛАКТЬЕР

посетил этот край в 1885 году.

Ему помогал бог.

Проходя мимо этого камня, Алэ вздрогнул, охваченный суеверным страхом.

Белый человек, написавший эти слова, указал своим братьям путь вглубь страны. Если бы не он, там за лесом не горели бы сейчас огни и не гремел бы гром. Но о белом человеке нельзя было даже думать, так как даже дума о нем приносила несчастье.

Жрецы боялись тронуть камень.

Алэ и Чатур свернули в густые заросли.

Они шли осторожно, опасаясь змей, хотя те редко жалили ночью. Впрочем, путь их по зарослям не был долог.

На небольшой пустой полянке при свете луны стояло неподвижное странное существо, которое можно было принять за человека-урода. Это и был человек, только из дерева, со страшным квадратным животом, на коротких ногах, с головой, напоминавшей морду собаки.

Одна рука истукана была воздета к небу.

Другой руки совсем не было. Она была словно отпилена в предплечьи, но обрубок ее тоже торчал кверху.

Алэ и Чатур пали ниц перед идолом и долго лежали молча.

Потом они встали и прислушались.

Удар грома долетел до них и отгульем прокатился по далеким скалам.

Чатур понурил голову.

– Однорукий бог бессилен, – проговорил он так печально, что сердце у Алэ сжалось еще сильнее.

Идол, простиравший к небу одну руку, имел, в самом деле, довольно несчастный вид.

– И Черного Льва все нет! – прошептал Алэ.

– Черный Лев приползет неслышно, как змея, – сказал Чатур.

– Но ты видишь, что нам недолго осталось ждать? Завтра они будут еще ближе.

– Сколько солнечных кругов прошло с тех пор? – прибавил он, помолчав.

Чатур снял с шеи ожерелье.

– Вот эту красную раковину нанизал я в тот год... А вот эти все после.

– Их много.

– Да, много. Тогда у меня на голове были волосы, а теперь глина.

Алэ подошел к богу и ударил его ногой в живот, так что идол качнулся.

Чатур удержал его.

– Не надо его бить. Он не виноват, что у него нет руки.

И он вспомнил ту страшную ночь, когда после отъезда белого путешественника они пришли, чтобы принести богу благодарственные жертвы и увидели, что у бога нет руки.

С тех пор начались беды.

Но никогда еще такая страшная беда не надвигалась.

Белые люди смотрели на негров, как на скот. Они били их кнутами, если те уставали от работы, они вместо того, чтобы дарить им за труд ножи и платки, поили их водкой. Если негр заболел, все покидали его, словно это была сгнившая рыба.

Алэ никто еще никогда не бил кнутом, кроме отца.

Но отец мог его бить, это не было обидою.

– Если меня тронет кнут, – громко сказал Алэ, – я перекушу себе руку и выпущу всю кровь.

Чатур вздохнул.

– Не говори так, Алэ. Так же говорил и Быстрый Коршун, вождь из-за горы... А однако, когда кнут хлестнул его по лицу, он подставил спину.

Алэ подпрыгнул от ярости, но ничего не ответил.

Когда они вернулись в деревню, ребенок все еще плакал.

На востоке занялась заря. Ночь быстро превращалась в день, и зарява теперь уже не было видно.

Алэ вздохнул с облегчением и согнувшись вошел в свою хижину.

Он погладил по голове плачущего ребенка и поцеловал Магуру.

Магура при свете дня поглядела на него.

– А где же твое копьё, Алэ? – спросила она с беспокойством.

Алэ с болью в груди вспомнил еще раз о своем бессилии.

Он сказал злорадно, словно издевался не над самим собою, а над кем-то другим:

– Я забросил эту негодную хворостинку. К тому же и рука моя слаба, как у самого маленького из моих сыновей.

Он с тоской погладил свои стальные мускулы.

Но теперь ему было все-таки легче. Плач ребенка заглушал отдаленный грохот, а зарява не было видно.

VIII

ГОЛУБАЯ ПУСТЫНЯ

Прошло много времени в томительном ожидании.

На этот раз Жак был твердо убежден, что песенка его спета.

Страшная слабость снова сковала его всего, а от жажды у него положительно слиплось горло.

Бывали мгновенья, когда что-то словно лопалось в его горле, и тогда перед глазами вертелись пестрые огненные круги.

Признаки беспокойства наконец, стал проявлять и невидимый незнакомец.

Его, повидимому, тоже удивляло безмолвие, окружавшее их.

Легкое покачивание указывало на то, что они все еще среди моря, но машина не работала и люди не бегали над головою.

Наконец пришел день или ночь, когда голос во мраке произнес:

– Надо итти.

– Да, да, – поспешно забормотал Жак. Ему хотелось тоже итти, итти куда угодно, только бы не сидеть больше в этой страшной дыре.

Спутник, повидимому, знал куда итти, ибо он быстро зашуршал ногами по бочкам.

Жак чувствовал, что его ноги онемели от долгой неподвижности, но он тем не менее не отставал от незнакомца, цепляясь за его одежду.

Внезапно тот остановился и начал медленно подниматься вверх.

Жак ухватился было за него, но тот лягнул его пяткой прямо в подбородок и едва не свихнул челюсти.

Жак отлетел назад, но страх остаться в трюме заставил его позабыть об этой грубой обиде.

Он снова вскочил и дрожащими руками нащупал веревку. Он тотчас же повис на ней.

И в это время вдруг над его головой вспыхнул целый пожар.

Жак зажмурил глаза, совершенно ослепленный.

Но это не был пожар, это сноп дневного света ворвался через приподнятый люк.

Жак видел ноги и зад незнакомца.

Он, очевидно, задержался в нерешительности, не зная, вылезать ли ему, или вернуться обратно.

«Неужели он опять закроет люк, – с отчаянием подумал Жак, – и чего он боится? Все равно, в трюме мы, наверное подохнем».

Но вот ноги незнакомца зашевелились, и он исчез наверху.

Жак, словно кошка, вскарабкался за ним и выскочил на палубу. Люк с треском захлопнулся и едва не отшиб ему ног. Казалось, его спутник, нарочно поскорее захлопнул его.

Сначала Жак, закрыв лицо руками, чтоб не ослепнуть, жадно глотал влажный морской воздух. Грудь его ходила ходуном, и он готов был плясать от восторга. О том, что скажет капитан, когда увидит его, он и не думал. Пусть швыряет в море. Лучше утонуть при солнечном свете, чем умереть в этой черной дыре.

Наконец он огляделся.

Он стоял на палубе «Габонии», залитой горячим, как огонь, солнцем. Кругом был безбрежный океан.

Спиной к Жаку стоял негр в полосатой рубашке и белых штанах и смотрел вдаль.

Жак огляделся по сторонам, ища своего спутника.

– Глаза мои все еще полны мраком, – произнес негр, и Жак вздрогнул, узнав голос, говоривший с ним в темном трюме.

Жака поразило, что кругом не было видно ни души. Ни капитана, ни матросов, ни торговых агентов.

Негр в это время повернулся и сел на свернутый канат.

Жак узнал того самого негра, в которого франтоватый парень хотел запустить камнем.

Но Жак все еще слишком наслаждался ощущением света и простора, и ему было некогда удивляться.

Негр казался погруженным в глубокую задумчивость. Он озирался по сторонам, потом смотрел вдаль и опять задумывался.

Жак отважился предпринять маленький обход парохода.

Дым не шел из трубы, и вообще кругом не было заметно и признаков жизни.

Удивленный Жак толкнул дверь кают-компания.

Она подалась.

Но в кают-компания было тоже пусто.

Жак пошел дальше. Он заглянул в кухню и с восторгом набросился на банку с сухарями. Потом, вспомнив о негре, он понес ему сухари, решив отплатить ему угощением за угощение.

Негр продолжал сидеть так же задумчиво.

Он безучастно съел несколько сухарей.

– Вот нехорошо, что нет пресной воды, – заметил Жак, – по крайней мере, я пока ее не нашел.

Он старался заглушить в себе жажду чтобы не портить настроения.

– Но что стряслось с пароходом?.. Здесь никого нет....

Жак указал на рулевое колесо, которое бессмысленно вертелось то в одну, то в другую сторону.

– Мы здесь вдвоем, – заметил Жак.

– А сейчас я буду один.

– Почему?

Негр молча вынул из-за пояса широкий стальной нож, невыносимо сверкавший на солнце.

– Потому что я разделю пополам твое сердце, – произнес он спокойно, вставая и кладя Жаку на плечо тяжелую, словно камень, руку.

IX

ПОЧЕМУ НА НЕЙ НЕТ ПЫЛИ

Пока марсельские газеты угощали своих читателей разными подробностями из жизни Лактьера, знаменитый Шарль Рекло целые дни проводил в изучении его кабинета.

Один корреспондент, которого сыщик отказался принять за недосугом, поместил в газете ехидный фельетон. В этом фельетоне он высказывал мысль, что Шарлю Рекло надоело ремесло сыщика.

«Он так увлекся изучением коллекции Лактьера, что решил сделаться этнографом. В добрый час! Может быть, тогда он будет более на своем месте! А то, что же это за сыщик? Живет в Марселе чуть ли не две недели, а ничего еще не мог сообщить интересного».

Фельетон заканчивался восклицанием:

«Франции нужен Шерлок Холмс!»

В баре «Носорог» тоже толковали об убийстве.

Спрашивали мнение Минюи.

Тот скалил свои белые, как сахар, зубы, но глаза его не были веселы.

Вообще негр проявлял какое-то непонятное волнение.

Острили, что он влюблен в одну из посетительниц ресторана, в знаменитую марсельскую красавицу, прозванную Чайкой.

Однажды вечером в «Носороге» собралась теплая компания и заняла столик в углу. Это были молодые врачи, которым всегда Минюи прислуживал сам. Такой почет он оказывал лишь постоянным посетителям.

Молодые врачи шутили что-то по поводу анатомии поданной курицы, они уверяли, что у нее аппендицит.

Минюи скалил зубы, держа в своих черных руках большой поднос с десертом.

– Смотрите-ка, господин Минюи, – произнес один из врачей, кивая на вход. – Чайка прилетела.

Негр обернулся, но вместо Чайки увидел бритого человека, очень хорошо одетого, с трубкой в зубах.

– Я пошутил, Минюи, ее нет.

Другой молодой врач между тем внимательно разглядывал вошедшего.

– Те-те-те! – произнес он. – Да ведь это сыщик Рекло!

В этот миг Минюи перекувырнул свой поднос с десертом.

Лакеи подбежали собирать осколки.

Молодые врачи хохотали, как сумасшедшие, глядя, как негр стряхивает со своих колен остатки компота.

Все обернулись на звон разбитой посуды. Знаменитый сыщик усмехнулся, ибо кто-то сказал:

– Шарля Рекло встречают со звоном.

А другой шутник заметил:

– Очевидно, скоро рассвет... Минюи превратился в сумерки.

Все рассмеялись, ибо лицо у негра было действительно какого-то неопределенного сероватого цвета.

Шарль Рекло, который был учен, как сатана, сказал попивая коньяк:

– Это он побледнел. В тех случаях, когда белые бледнеют, негры сереют.

Молодой врач, слышавший это замечание, покачал головой.

– Ну и скупердяй Минюи, побледнеть из-за разбитой посуды.

Шарль Рекло только улыбался, читая по утрам газеты.

Он действительно очень внимательно изучал коллекцию Лактьера. Ему доставляло большое удовольствие с каталогом в руках рыться в этих стеклянных шкафах.

Каталог был написан самим Лактьером в тетради с сафьяновым переплетом.

Всего было около пяти тысяч предметов, из которых многие могли показаться интересными не только ученому знатоку, но и всякому простому смертному.

Были тут двенадцать резных шаров из слоновой кости, причем каждый шар был вложен в другой, а выпилены они были все из одного куска. Тонкой иглой можно было даже вертеть шары. В каталоге было сказано, что над выпиливанием этой безделушки трудились три поколения буддийских монахов. Эту религиозную игрушку Лактьер привез из Калькутты.

Но в Индии Лактьер был всего один раз.

Большую часть коллекции, как уже было сказано, составляли предметы домашнего обихода африканских негровых племен.

Интересен был нож, выточенный из камня, но такой острый, что им можно было чинить карандаш. Различных ожерелий было штук двести. Были тут ожерелья из разноцветных ракушек, которые носят туземцы на шее. Число ракушек соответствует числу прожитых лет. На одном ожерельи Рекло насчитал 128 ракушек.

Глиняная и тыквенная посуда была груба, но очень своеобразно раскрашена. Впрочем, посуда мало заинтересовала Рекло. Он долго рассматривал череп, просверленный в десяти местах словно буравчиком. В каталоге имелась приписка:

«Дырочки на черепе были просверлены еще при жизни его обладателя. Особый вид пытки. Просверливают одну дырочку каждый час».

Рекло с отвращением отложил череп.

Не меньшее содрогание вызвала в нем длинная толстая струна – высохшая жила.

«Эта жила, – сказано было в каталоге, – была вымотана при мне из живого еще человека».

– Однако у господина Лактьера были крепкие нервы, – пробормотал сыщик, переходя к отделу оружия.

Тут были всевозможные луки и стрелы, мечи, копья, древние кремневые мушкетеры с растробом в конце дула.

На некоторых стрелах были билетики с изображением черепа. Рекло прочел в каталоге, что наконечник их отравлен.

«Яд этот убивает почти мгновенно и противоядие против него неизвестно».

Сыщик поспешил отдернуть руку.

Понравилась ему трубочка с длинными костяными иголками.

Иголки, повидимому, вкладывались в трубочку, а затем выдувались из нее.

На этих иголках тоже было изображение черепа.

Рекло удивился, увидав браунинг. Он заглянул в каталог.

«Револьвер капитана Окса, съеденного в 1874 году людоедами возле озера Чад».

Этьен сопровождал сыщика при его осмотре.

Шарль Рекло с первого же дня убедился, что лакея нельзя подозревать в убийстве. У сыщика в этом отношении был нюх. Этьен и в самом деле был славный парень, веселый и жизнерадостный, по характеру мало подходивший к своему мрачному барину.

– Так вы говорите, Этьен, – произнес сыщик, – что эти шкафы не запирались?

– Нет. Кому придет охота, сударь, красть гнилые черепа да разноцветные ракушки? Дураков, сударь, не так много.

– Гм! Это довольно смелое утверждение. По-моему, напротив, дураков очень много. А что, господин Лактьер часто перебирал свою коллекцию?

– За последнее время не так часто, сударь. Господин Лактьер все писал. Прямо было даже удивительно смотреть. Ну как это рука не отвалится! Верите ли слову, в кинематограф и то не ходил. Ну что ты тут будешь делать?

– А у него бывал кто-нибудь с рыжими усами?

– Да, по правде сказать, не замечал. Конечно, приезжали разные ученые. Только давно уж что-то никто не приезжал.

– Однако кто-то все-таки убил господина Лактьера?

Этьен при этих словах смутился.

Если бы с ним разговаривала госпожа Лазар, она, наверное, сочла бы это за доказательство вины. Но Рекло понимал причину этого смущения. Кому же и бояться обвинений, как не слуге? Он не придавал этому никакого значения.

Его, повидимому, гораздо больше интересовала коллекция.

Этьен даже удивлялся, как это можно осматривать всю эту дребедень, да еще так подробно, заглядывая чуть ли не каждую минуту в каталог.

А сколько трудов стоило господину Лактьеру собрать все это! Три раза его чуть было не съели. Хорошенькое удовольствие быть изжаренным... Гораздо лучше самому съесть жареную котлету. Чудные эти господа ученые...

То ли дело – отец господина Лактьера. Он занимался торговлей.

Сыщик, слушая, что говорил Этьен, продолжал свой осмотр.

Вдруг глаза его изобразили сильное любопытство.

Он быстро нагнулся и поднял с нижней полки шкафа руку, грубо выточенную из дерева.

Затем он взглянул в каталог.

«Рука бога Му-га-ша» – прочел он:

– Господин Лактьер не очень был щедр на слова, когда писал свой каталог.

– Ученые люди и так все знают, – заметил Этьен, – а простому человеку и знать не надо.

Сыщик продолжал внимательно разглядывать руку.

Она была выточена самым примитивным способом. Пальцы были едва намечены. Они как бы держали дощечку с непонятными знаками.

Шарль Рекло провел пальцем по деревянной руке и затем внимательно оглядел его.

Затем он потрогал лежавшую тут же деревянную фигуру крокодила и опять оглядел свой палец.

– Гм! – пробормотал он, видимо заинтересованный.

– Вам понравилась эта ручища, сударь? – спросил несколько изумленный Этьен.

– Нет, – отвечал сыщик, – но меня удивляет... почему... – он запнулся.

– Почему она такая тяжелая?

– Нет... почему на ней нет пыли... Разве она не была положена одновременно с другими вещами?

– Нет, сударь, наверное одновременно.

- И вы помните, что она тут лежала?
- Помню.
- Гм... А мне кажется, что ее положили сюда недавно. Слой пыли на ней совсем не такой, как на других вещах.
- Я, сударь, хорошо помню эту руку.
- Одно из двух... или ее недавно вытерли...
- Нет, сударь, кроме меня никто не мог бы этого сделать...
- Или одну руку подменили другою!

Х

СТРАШНАЯ ШЛЮПКА

Когда негр опустил руку Жаку на плечо, и Жак увидел перед собой сверкающий нож, он был так потрясен и ошеломлен, что даже не сопротивлялся.

– Зачем же вы кормили меня там внизу? – пробормотал он.

– Я не хотел, чтоб запах твоего трупа рвал мне ноздри. Но теперь я могу бросить тебя в великую воду, – просто ответил негр, без всякой злобы в голосе.

Он между тем осматривал грудь Жака, словно намечал место для удара.

– Я тогда на пристани не дал бросить в вас камнем, – пробормотал Жак, замирая от ужаса.

Негр посмотрел на него внимательно.

– Да, это ты, – задумчиво проговорил он и опустил нож. – А почему ты не дал швырнуть в меня камнем?

– Потому что это свинство... кидать камнями в людей.

Увидав, что страшный нож перестал сверкать у него перед глазами, Жак посмелел и решил даже произнести маленькую речь.

– Я знаю, что есть хулиганы–мальчишки, которые готовы швыряться камнем направо и налево... А пуще всего я не люблю, когда дразнят негров. Чорт знает, что такое!.. Я уважаю негров... Богатые люди приезжают к нам из Парижа, чтобы загореть... А негры и так черны... как... как...

Жак хотел сказать, «как сапог», но решил, что это будет невежливо. Он сказал:

– Как сажа... Всех этих мальчишек я бы засадил в тюрьму и пригласил бы негров драть их по воскресеньям... Вот...

Выпалив это, Жак окончательно успокоился, ибо увидел, что негр засунул нож опять себе за пояс.

– А воды у нас нет, – проговорил чернокожий, словно он

и не собирался никогда резать Жака.

«С ним держи ухо востро», – подумал тот.

Они обшарили весь корабль, но не нашли ни одного бочонка пресной воды. Сухарей было много, но воды ни одной капли.

Теперь уже море не казалось таким прекрасным. Наоборот, вид этого бесконечного морского простора только сильнее возбуждал жажду. Видеть столько воды и знать, что она солона, как огуречный рассол....

Нечего сказать. Это хуже, чем в пустыне.

К тому же этот покинутый пароход производил какое-то гнетущее впечатление. Куда делись все люди? Ведь вначале машина работала, как часы, и шаги матросов раздавались над головою.

Если бы пароход дал течь, тогда было бы понятно, почему все вдруг покинули его, но, повидимому, все было исправно. В особенности Жака удручало рулевое колесо, беспомощно вертевшееся из стороны в сторону. Океан был пуст. Только чайки с печальными криками носились над судном. Да иногда в синеве волны серела спина акулы.

Жак искал чего-нибудь, могущего утолить жажду. Но даже «мертвых плодов» не было на пароходе.

Разгуливая по пароходу, Жак искоса поглядывал на негра, ибо все еще побаивался его. Неизвестно, что может притти ему в голову.

Но негр имел какой-то безучастный вид. Он тщательно уложил среди канатов свой узелок, словно тот был полон алмазов. Он иногда тоже поглядывал на море, но ничего не говорил.

Жак уж давно заметил, что солнце печет так, как никогда не пекло в Марселе. Из этого он заключил, что они сильно продвинулись на юг. Быстрая смена дня ночью подтвердила его предположение. Он слышал от моряков, что на тропиках никогда не бывает сумерок. Едва успевало на западе скрыться солнце, как уже с востока ползла ночь с тысячами звезд. Заря быстро меркла на горизонте, словно догоревшая свеча.

Жаку стало еще больше не по себе. Правда, повеял свежий ветерок, который немного освежил его рот и легкие, зато как-то жутко сделалось на пустынном море.

А тут еще негр заснул, прислонившись к какому-то брезенту, и во сне бормотал странные, непонятные слова.

Жак хотел было тоже заснуть, но ему все чудилось, что кто-то стоит позади него. Да и как знать, не зарежет ли его во сне негр.

Он ходил по пароходу, всматриваясь в даль. Может быть, покажется огонек.

Но огоньков не было.

От тихого покачивания судна у Жака слипались глаза, и сон сковывал его мозг.

Он наконец сел на палубу, прислонившись к рубке.

Сон мгновенно одолел его, но через час он опять проснулся.

Ночь попрежнему сияла звездами, а море было пусто и спокойно.

Так он несколько раз засыпал и несколько раз просыпался и всякий раз оглядывался на негра.

Но тот спокойно спал.

Жак очень обрадовался, когда проснувшись он вдруг увидел на востоке светлую полосу, которая быстро разрасталась. Почти тотчас же показалось солнце и залило море целым снопом лучей.

Негр не спал, он всматривался в какую-то точку на горизонте.

Жак тоже принялся что было силы пялить глаза.

Вместе с солнцем проснулись и все муки жажды.

Жаку казалось, что он наглотался горячих угольев. Это было утром. Что же будет в полдень и к вечеру?

Черная точка то исчезала, то опять появлялась.

Это, очевидно, не был пароход, ибо дым от парохода всегда виден издали и гораздо раньше, чем появляется самый пароход. Кроме того, точка двигалась как-то неравномерно. Она то плыла в одну сторону, то в другую, словно какой-то пьяница шатался по океану.

На один миг, страшно напрягши зрение, Жак вдруг ясно различил лодку. Но затем она снова превратилась в точку.

В конце концов Жак устал глядеть и опять отправился на поиски.

Когда, по прошествии часа, он снова взглянул на море, то его пробрала радостная дрожь.

Это была несомненно лодка, и в ней сидели люди.

Однако, радость его быстро прошла. Кому придет в голову кататься на лодке по океану? Для таких катаний годятся пруды или реки. Очевидно, это какие-нибудь потерпевшие кораблекрушение. Впрочем, как знать. Может быть у них есть вода, но нет сухарей.

Они угостят друг друга. Лишь бы увидеть людей.

Жак чувствовал, что у него ум заходит за разум после десятидневного сидения в трюме и после всех этих скитаний по пустому кораблю.

Негр, опершись о борт, тоже глядел на лодку.

Жаку досмерти хотелось закричать что-нибудь людям, находившимся в лодке, но он боялся, что негр опять выкинет какую-нибудь штуку.

Поэтому Жак, встав за его спиной, принялся размахивать тряпкой, подобранной им на кухне.

Лодка была еще очень далеко. Однако люди могли бы дать сигнал, если бы захотели.

Но они молчали, как убитые.

Чуднее всего было то, что лодка продолжала двигаться как-то неопределенно, словно некий невидимый проказник тянул ее то в одну сторону, то в другую.

Негр вдруг перестал глядеть, отошел от борта и с равнодушным видом уселся на канаты.

Теперь можно было разобрать людей, сидевших в таких удивительных позах, что Жаку опять стало страшно.

Люди словно спали, лежа друг на друге, раскинув руки, нелепо махая головами.

Иные улыбались страшной улыбкой.

Это были мертвецы.

Мертвецы, скитавшиеся по океану.

Жак отвернулся.

Но потом любопытство превозмогло, и он снова поглядел на лодку, которая была теперь уже совсем близко.

На ней можно уже было прочесть надпись:
«Габония».

Страшная догадка пришла Жаку в голову.

Это экипаж «Габонии», экипаж, покинувший судно, чтобы умереть на шлюпке.

Трупы, полуразложившиеся, были ужасны. Казалось, что видишь дурной сон. Они были покрыты какими-то темными пятнами, а ветерок, пробежавший по волнам, принес ужасный запах.

– Чума! – сказал негр, указывая на трупы.

Жак отскочил невольно и прижался к мачте.

– Чума! – повторил он.

– Они бежали от чумы, – проговорил негр.

Страшная лодка не хотела отстать от парохода.

Она качалась на волнах совсем близко, и Жак видел, как кивали ему и улыбались безглазые лица.

Не было никаких способов оттолкнуть эту лодку.

Акулы, плававшие кругом, не могли перекувырнуть ее, так как она была слишком велика и тяжела.

Некуда было деваться.

Жак спрятался в кают-компани, ибо вид этой лодки смерти среди лазурного сияющего моря был отвратителен. И опять жажда, ужасная жажда, перед которой муки голода казались пустяками.

Жаку мерещились холодные ключи, бьющие из скал, он видел перед собою глиняные кружки, полные до краев холодной, как снег, водою.

Из таких кружек можно пить, погрузив в них все лицо. Какое блаженство....

То ему вспоминались бутылки лимонада или содовой воды, которые он, бывало, подавал на подносах постояльцам гостиницы.

В стаканы при этом всегда клалось немного льду.

О, сколько таких стаканов он мог бы выпить!

В кают-компани было невыносимо жарко.

Жак снова вышел на палубу, косясь на лодку, которая качалась на том же месте.

Негр посмотрел на Жака.

Должно быть, вид у того был довольно жалкий, ибо старик неожиданно подошел, погладил его по голове, а затем молча указал на юг.

Огромная туча, словно гора, нависла над морем.

Молния вдруг прорезала ее сверху донизу, и немного спустя донесся глухой удар грома.

ХІ

БУРЯ

Ветер подул внезапно, и по морю забелели барашки.

Солнце померкло и скоро совсем скрылось.

Молнии пробежали по туче во всех направлениях.

Ветер крепчал с каждым мгновением.

Жак испытывал нестерпимое наслаждение, открывая рот и чувствуя, как вся его грудь наполняется прохладой.

Волны с шумом начали разбиваться о пароход и он наконец закачался.

Гром наполнил все небо.

Холодная капля вдруг ударила Жака в лоб, а за нею сразу целый ушат воды вылился ему на голову.

Негр лег на спину, снял с себя рубашку и принялся выжимать ее себе в рот.

Жак немедленно последовал его примеру.

Выжав один раз, он дал ей опять промокнуть и выжал вторично. Этот маневр он повторил с удовольствием несколько раз.

Он чувствовал, как его всего охватила бешеная радость жизни.

Но в этот самый миг пароход так качнуло, что Жак покатился по палубе.

А кругом творилось нечто невообразимое. Море, небо, ливень – все смешалось в одну страшную мглу, прорезаемую молниями и потрясаемую неистовым громом.

Ничего нельзя было разглядеть за бортом судна.

Ветер сшибал с ног и вздымал целые горы страшных серых волн.

Негр привязал себя к мачте. То же сделал и Жак.

Он уже был не в силах добраться до каюты, его бы снесло, как песчинку. При этом он видел, как крепко прижи-

мает негр к своей груди узелок и удивлялся, что в такую минуту можно думать о каком-то скарбе.

«Габония», не управляемая никем, неуклюже шаталась из стороны в сторону.

Жак должен был закрыть глаза, ибо ветер резал веки.

Теперь стоило только открыть рот, чтобы сразу наглотаться воды.

Но недешево доставалась на океане вода.

Волны стали перемахивать через палубу «Габонии». Как ни крепко привязал себя Жак к мачте, а все-таки при каждой такой волне он чувствовал, как его давит и влечет неимоверная сила. Он слышал от одного моряка рассказ о том, как однажды в бурю волна с такой силой бросила шкипера на трубу, что его разрезало пополам словно бритвой.

Рулевое колесо теперь вертелось, как полоумное.

Казалось, какой-то невидимый сошедший с ума рулевой управляет судном, поворачивая его к ветру то одним боком, то другим.

После одной страшной волны, внезапно наклонившей пароход совсем на бок, Жаку показалось, что судно не вполне выпрямилось.

В то же время он услышал под ногами глухой шум.

Он не успел сообразить, в чем дело, как почувствовал, что лежит на спине и увидал, что весь океан ринулся в люки «Габонии».

Теперь вода была со всех сторон.

Жак понял, что пароход опрокинулся, и делал тщетные усилия разорвать веревку.

Развязать мокрый узел он не мог.

А между тем вода заливала ему рот, уши, глаза, он чувствовал, что захлебывается, что не может дышать.

Вдруг веревка лопнула как-то сама собой, и что-то потащило Жака из воды.

Он фыркнул, как вылезший на берег щенок, и увидал, что лежит на боку перевернувшегося парохода.

Рядом с ним лежал и негр, с узелком в руке. Это он перерезал веревку.

Очевидно, негр окончательно оставил намерение убивать его.

Несмотря на опасность положения, эта мысль очень обрадовала Жака.

Между тем ветер словно выдохся, и небо постепенно высыхало.

Должно быть, в тучах не осталось больше воды.

Катастрофа, случившаяся с «Габонией», явилась следствием того, что груз оказался недостаточно крепко укрепленным и от сильного толчка весь сдвинулся в одну сторону.

Пароход при этом должен был неминуемо перевернуться.

Конечно, если бы кто-нибудь им управлял, он, может быть, и мог бы избежать слишком свирепого напора волн, становясь к ним носом.

Но судно, которое плавает по морю наподобие пустого бочонка, обречено на гибель при всякой более или менее сильной качке.

Буря кончалась.

Ветер слабел заметно.

Конечно, если бы такой ветер пронесся хоть один раз по парижским или московским улицам, то о нем на другой день, наверное, писали бы все газеты. Но здесь, на океане, после того, что было, он казался легким и приятным ветерком.

Жака удивляло, что пароход не тонул.

Но он быстро сообразил в чем дело.

Судну, нагруженному пустыми бочками, трудно утонуть.

Жак крепко держался за иллюминатор, ибо волны продолжали облизывать гладкий бок судна.

Солнце выглянуло.

Это был один из тех шквалов, которые проносятся со страшной быстротой, успев, правда, иногда натворить немало бед. Вдали еще виднелась уползающая мгла и сверкали молнии.

Встревоженный океан долго не мог успокоиться.

Волны с белыми гребешками поднимались то тут, то там, как большие темно-синие холмы.

Жак огляделся, ища страшную лодку.

Но ее не было.

Должно быть, океану надоело таскать на себе эти трупы, и он исполнил обязанности могильщика.

Жак с отвращением подумал, что тут, наверное, не обошлось без акул.

Горизонт скоро совсем очистился, и Жак с удивлением увидал на востоке какую-то очень ясно очерченную синюю полосу, которую он принял было за новую тучу.

Но это была не туча.

Полоса была совершенно неподвижна, и чем больше Жак вглядывался, тем все более убеждался, что видит землю.

Синяя полоса могла быть только цепью невысоких гор.

– Смотрите – земля! – крикнул Жак негру.

Тот важно кивнул головой с таким видом, будто иначе и быть не могло. Можно было подумать, что все эти мытарства входили в план его путешествия. Во всяком случае он проявил не больше удивления, чем путешественник, едущий в Париж в норд-экспрессе, когда ему объявляет кондуктор, что уже виден Париж.

Жак восхитился таким спокойствием.

«Должно быть, прошел огонь и воду и медные трубы», подумал он.

До самой ночи была видна синяя полоса.

Скверно было, однако, что пропали все сухари, да и пить захотелось снова, как только начало печь это адское солнце.

Снова приходилось радоваться наступлению ночи.

– Как вы думаете, какая это земля? – спросил он негра, когда звезды высыпали на небо.

– Не все ли нам равно, если мы не на ней, – пробормотал тот.

Жака начинала злить эта манера разговаривать. Он вообще мало был склонен к философии, а к негритянской тем более.

– А может быть, мы будем на ней? – решил он заметить.

– Как может быть то, чего еще нет, – последовал ответ.

Жак после этого решил прекратить беседу.

Спать он боялся, чтобы не скатиться в море.

Ему все представлялось, что от какой-нибудь неожиданной волны пароход перевернется окончательно, килем кверху, и тогда придется-таки нырнуть в глубину. Жак плавал, как рыба, но от акулы не спасешься. А уж, наверное, эти твари стерегут тебя, как ночные сторожа. Говорят, они за много верст чувствуют кораблекрушение.

Когда солнце взойшло, Жак вскрикнул от радости.

Синяя полоса за ночь успела превратиться в ясный береговой ландшафт. На фоне серых и красных гор был виден зеленый лес. Можно было даже рассмотреть белую полосу прибоя. Слышно было, как шурша ложились на песок волны.

– Нас гонит к берегу! – воскликнул Жак.

Негр кивнул головой.

Он внимательно вглядывался в ландшафт, словно что-то соображая. В то же время его лицо приняло выражение важное и торжественное.

– Это далеко, – сказал он, – но человеку даны ноги, чтобы ходить.

– А что там такое? Там есть люди?

– Там есть люди.

Жаку так хотелось попасть поскорее на твердую землю, что он едва удерживался, чтобы не пуститься вплавь.

Но, видя что берег не удаляется, а, напротив, приближается, он решил держать себя благоразумно. Какое будет наслаждение поваляться там в густой зеленой траве и побродить по лесу! Наверное найдется какой-нибудь ручеек или речонка!

Лишь бы только поскорее разделаться с этой «Габонией». Не в добрый час, должно быть, он забрался на нее.

Жак пришел в веселое расположение духа.

Видя, как негр сидит, обнявшись со своим узелком, он не удержался.

– Должно быть, вы везете в этом мешке что-нибудь очень драгоценное?

Негр чуть-чуть нахмурил брови.

Но, должно быть, вид земли производил на него такое приятное впечатление, что он не стал сердиться и кивнул головой.

Жак почувствовал сильное любопытство. Недаром был он истым провансальцем.

– Что же вы везете в нем? – спросил он снова.

Негр долго молчал, глядя на острую вершину.

Потом он поглядел на Жака и произнес торжественно:

– Ты хочешь знать, что я везу в моем узле?

– Да, – сказал Жак решительно.

– Счастье! – произнес негр.

В этот самый миг «Габония» уткнулась в песок и остановилась.

ХП

НЕОЖИДАННОСТЬ

Шарло Рекло продолжал осмотр коллекции. Только теперь он каждую вещь трогал пальцем и затем внимательно смотрел на него.

Закончив осмотр, он снова со всех сторон оглядел деревянную руку.

– Благодарю вас, Этьен, – сказал он затем, – больше мне ничего не нужно.

Вернувшись к себе в гостиницу, знаменитый сыщик приказал швейцару говорить всем, что его нет дома, а сам углубился в размышления.

Он сел в кресло, поджав под себя ноги, и устремил взгляд в одну точку.

На столике рядом он поставил несколько пепельниц и огромную коробку табаку. Теперь он мог спокойно курить трубку.

Мысль его работала, должно быть, очень напряженно, потому что глубокие складки собрались на лбу.

Лакей принес ему завтрак, потом обед, потом ужин.

Шарль Рекло не съел ни завтрака, ни обеда, ни ужина.

Остывший суп и печально окаменевшие котлеты так и отправились обратно в кухню.

Дым наполнял комнату густыми синими облаками. Лакей едва не задохся.

Но Шарль Рекло, повидимому, чувствовал себя отлично.

На другой день он все время что-то чертил или писал и съел бифштекс, но по рассеянности полил его сладким соусом, предназначавшимся для пирожного.

Три дня думал Шарль Рекло, и на четвертый он, наконец, кончил думать, вскочил с кресла, весело потирая руки. Он съел со вкусом свой ужин и затем, подойдя к письменному столу, взял телефонную трубку.

– Это «Марсельский обозреватель»? – спросил он, заранее предвкушая эффект.

– Да. В чем дело? Скорее!

– Говорит Шарль Рекло.

– Кто?

– Шарль Рекло.

– Ну!

– Это редактор? – спросил сыщик, слегка удивленный не-любезным тоном.

– Ну да...

– Вы на днях присылали ко мне репортера.

– Ну....

– Теперь я могу дать вам некоторый материал. Пришлите репортера.

– Нет у меня свободных репортеров.

– Да ведь это говорит Шарль Рекло, по делу об убийстве Лактьера.

Слышно было, как редактор с треском положил трубку.

Шарль Рекло пожал плечами в полном недоумении.

«Верно, со мной говорил какой-нибудь курьер, – подумал он, – надо самому съездить в редакцию».

Шарль Рекло очень дорожил рекламой. Если он до сих пор вел себя так недоступно, то только потому, что таинственность действовала на умы.

Он уже выходил на улицу, как вдруг увидал толпу людей, разбиравших у газетчика вечерние газеты.

– В чем дело? – спросил он у швейцара.

– Да все то же, – отвечал тот, – все война.

– Какая война?

Швейцар глаза выпучил.

– Германия объявила войну Франции.

Шарль Рекло сказал только «а!», купил газету и быстро вернулся к себе в номер.

Прочтя газету, он со злобой разорвал все свои чертежи и бросил их в корзину.

Затем он позвонил лакею и приказал взять себе билет на парижский экспресс.

Лакей как-то замялся в дверях.

– Что вам нужно? – спросил сыщик.

– Я бы хотел слышать мнение мосье... Кто, по мнению мосье, убил Жореса?

– Жорес убит?!

Шарль Рекло почувствовал, что дело Лактьера навсегда окуталось туманом забвения.

Но он быстро оправился и с апломбом выпалил:

– Кто убил Жореса? Конечно, патриоты...

И сунул в несессер зубную щетку.

ХІІІ

ЧЕРНЫЙ ЛЕВ

Когда Жак вылез на берег, то он в первый миг не помнил себя от счастья. Он плясал на горячем, мягком, как бархат, песке, швырял ракушками в белых чаек, которые с криком взлетали и кружились над морем.

Негр, повидимому, был тоже доволен.

Он положил на солнышке свой узелок и осматривался по сторонам с видом человека, попавшего в родную стихию.

Вообще, чем больше присматривался к нему Жак, тем все меньше и меньше его боялся. Негр, повидимому, вовсе не был злым. У него просто были свои особые взгляды на вещи, вот и все. Ему даже было как будто приятно, что он не один попал сюда. Он держался хозяином и важничал перед Жаком.

Но в особенности интересовал теперь Жака узелок.

Жак никогда понастоящему не учился. Он сам не помнил, как и когда начал он читать, а писал он еле-еле.

При этом он был очень прост и доверчив для своих лет. Когда негр сказал, что везет в своем узелке счастье, Жак очень заинтересовался.

«Как знать, – рассуждал он, – может быть, этот негр – колдун. Негры часто бывают волшебниками. А все-таки интересно было бы посмотреть, что такое везет он и каково на вид это счастье».

Жак вообще мыслил счастье как нечто осязательное. Например, когда он был голоден, счастье представлялось ему в виде окорока ветчины, а когда он мерз зимою в своей конуре – в виде теплого одеяла.

Поэтому он легко примирился с мыслью, что счастье можно тащить за плечами в грязном узле.

Такие ли еще чудеса бывают на свете...

От берега начиналась густая заросль.

В этой заросли была такая глубокая зеленая тень, что Жаку захотелось немедленно пойти повалиться в траве.

Но негр остановил его.

Затем он взял камешек и кинул в эту траву.

Что-то зашипело, и из-за цветка выглянула отвратительная плоская голова змеи.

Лес сразу утратил для Жака всю свою привлекательность.

Он слышал от своих приятелей-моряков немало рассказов о том, как ядовиты тропические змеи.

Теперь ему очень не понравилось какое-то движение в ветвях большого нескладного дерева. Ветра почти не было, а большие тяжелые ветви шевелились, потрясая листвою.

Должно быть, что-то таилось там.

Никаких признаков пребывания человека заметно не было.

– Если ты пойдешь по берегу туда, – сказал негр, махнув рукою на юг, – ты встретишь много людей, у которых кожа такая же, как у тебя.

– А долго итти? – спросил Жак.

– Ты пройдешь до новой луны.

Жак покосился на шевелившуюся листву.

– А вы туда тоже пойдете? – спросил он.

– Нет, мой путь лежит туда.

Негр указал в противоположную сторону.

– И я пойду туда же.

Негр слегка нахмурился и задумался.

– Зачем тебе итти туда? – произнес он.

– Так куда же я денусь? Если я пойду один, меня съедят звери.

– Тебе нельзя итти со мной. У тебя слишком белое лицо.

Жак, скосив глаза, поглядел на свой темнокоричневый нос. Действительно, если его лицо можно было назвать белым, то только по сравнению с лицом его спутника. Против этого Жак не возражал.

– А почему же мне не иметь белого лица? – спросил Жак.

– Разве это плохо?

– Плохо! – отвечал негр с таким убеждением, что Жаку от души захотелось почернеть.

– Белые люди делают зло черным людям, – продолжал негр.

– Они делают зло и друг другу, – возразил Жак, вспомнив про госпожу Лазар. – Меня называли вором и прогнали с места, а я ничего не крал. Я залез в трюм парохода, чтобы не умереть с голоду. В Марселе много хлеба и много рыбы, а я все-таки умер бы с голоду... Даром никто не накормил бы меня.

– Значит, и тебе делали зло белые люди? – спросил негр с интересом.

– О, еще бы! И не только мне. Они делали зло и моему отцу и моей матери. Я помню, как плакала моя мама... Она была горничной в гостинице и ей пришлось много вытерпеть после того, как умер папа... А моя бабушка! Один доктор в гостинице говорил, что она сошла с ума от бедности. Это верно... А когда и она умерла, хозяин дома выгнал меня на улицу... А я вовсе не был ленив... Я работал даже больше двух других мальчиков. Только уж если кому не везет, так не везет. Нет. Мне скверно жилось в Марселе.

Они сидели в тени, бросаемой скалой, собираясь с силами, чтобы пуститься в путь.

– Когда-то всем людям жилось хорошо, и счастье заходило в каждый дом свободно, как заползает ящерица, – сказал негр. – Только это было очень давно....

После бессонной ночи Жак чувствовал, как слипаются его глаза. Он с наслаждением вытянулся на песке, который не колебался под ним и не качался, как этот несчастный пароход, остов которого все еще чернел на отмели. Жак стал глядеть на синее небо, потом закрыл глаза.

Когда он их открыл, над ним мерцали звезды, а негр тихо тряс его за плечо.

– Пойдем на ту скалу, – шепнул он, указывая наверх.

Они поднялись на ровную каменную площадку, причем Жак спросонья едва не полетел вниз.

Какой-то протяжный вой раздался в лесу, прокатился над всею окрестностью и замер вдали.

Жак с замираньем сердца посмотрел на негра.

– Пантера идет на ночную охоту, – произнес тот спокойно. – Но не мы будем ее дичью.

– Мы, значит, двинемся в путь только завтра? – спросил шопотом Жак.

– Люди не ходят ночью по лесам. Даже Черный Лев ночью сидит тихо, как пень, и ждет рассвета.

– А что такое черный лев? – спросил Жак.

– Я, – отвечал негр.

Жак покосился на него.

«Не оборотень ли это какой?» – подумал он со страхом, – еще, пожалуй, в самом деле обернется львом и слопают. И как нагрех я не знаю ни одной молитвы».

Но негр в этот миг мало походил на льва.

Он ничем не отличался от тех жалких старых негров, которых так много на марсельской пристани.

Только когда он хмурился, в его лице появлялось что-то внушавшее жуть. Но сейчас он не хмурился.

Между тем в заросли продолжала пробуждаться ночная жизнь.

Завыл, словно заплакал, леопард, а где-то далеко захохотала гиена. Жаку на миг показалось, что какой-то черный зверь, с теленка величиною, пробежал по береговой опушке.

Негр на все это мало обращал внимания.

Он подложил себе под голову свой узелок и в ответ на беспокойный взгляд Жака сказал:

– Не бойся... Я не засну.

Звездная ночь была спокойна и величественна.

– Да, когда-то все люди были счастливы, – задумчиво произнес Черный Лев, – но это было очень давно. Это было еще в те дни, когда самый большой и толстый баобаба был едва заметным росточком, который мог сорвать и ребенок. Тогда люди были счастливы, потому что Му-га-ша молился за них, а они молились Му-га-ша... Тогда птицы приносили людям плоды, а человек спал, положив голову на лапу льва. Тогда дети играли в кольцах свернувшегося удава.

– Вы помните это? – спросил Жак.

– Или ты не знаешь, сколько живет баобаб? Баобаб так же стар, как море. Этого не помнит и дед мой, хотя борода его была белее полуденного облака. Когда я пришел на свет, белые люди уже рыскали по береговым лесам. А разве белые люди приносят счастье?

– Стало быть, в те времена мы могли бы итти сейчас по лесу, и нам было бы наплевать на пантер?

– Никто никого не трогал.

– Вот удобно было охотиться! – заметил Жак.

– Твои слова противны! – воскликнул негр. – Или ты полагаешь, что люди трогали животных, которые не нападали на них?

– Действительно... Я сболтнул чепуху, – сконфуженно пробормотал Жак.

– Только у белого человека три языка, из которых один всегда болтает. Тогда явился пророк, который, сказал, что счастье не покинет людей до тех пор, пока Му-га-ша будет молиться за них. Никто не смел обижать Му-га-ша.

– А кто такое Му-га-ша? – спросил Жак.

– Деревянный бог. Это он давал людям счастье.

– Вот что, – проговорил Жак таким убежденным тоном, словно в этом не было ничего удивительного.

– С годами менялись люди, менялось и счастье, – продолжал негр. – Птицы перестали носить плоды, и лев пожирал человека, вздумавшего уснуть рядом с ним. Но счастье не покидало людей. Кнут еще ни разу не свистал у них в ушах.

Только когда я нанизал много раковин себе на шею, стали бродить по лесам белые люди, обижать наших жен и детей, а нас заставляли работать.

И тогда пришел к нам самый хитрый из всех белых людей, и сказал нашему вождю Калу. «Калу, – сказал белый человек, – ты видишь, что Му-га-ша не спасает вас больше... Это дурной бог, который смеется над вами. Калу, ты любишь острые ножи и пестрые ткани. Я дам тебе очень много ножей и очень много тканей, если ты продашь мне правую руку Му-га-ша, ту, которая держит дощечку».

Калу был жаден. В темную ночь он провел белого человека на поляну, где стоял Му-га-ша, и отрубил богу правую руку. Он тогда не знал, что у росших вокруг кустов были в тот миг глаза. Белого человека очень боялись, ибо с ним было много слуг с длинными ружьями. Он уехал и взял с собою черного мальчика Милэ, который понравился ему своим веселым нравом. Отец мальчика очень любил своего сына. Все удивлялись, что он отпустил его, хотя отец и знал, что делает. «Милэ, – сказал он сыну, – когда ты вырастешь, привезешь опять сюда руку Му-га-ша».

Когда белый человек уехал, несчастья обрушились на людей. Белые люди появились там, где их никогда не было. Тогда негры сожгли Калу и отца Милэ сделали своим вождем. Он один не предал Му-га-ша и отправил своего сына в проклятые страны... Но годы шли, Милэ не возвращался. Тогда старый вождь сам поехал в проклятую страну.

Негр умолк и нахмурился.

– И что же? – спросил заинтересованный Жак. – Он нашел своего сына?

– Лучше бы он вовсе не находил его! Он остался черен только лицом, но сердце у него побелело.

– Что же сделал вождь?

Негр не ответил и мрачно задумался. Он словно вдруг забыл про Жака, отвернулся от него и стал смотреть в темную даль.

Жак быстро протянул руку и ощупал узелок.

Он нащупал деревянную руку.

XIV

МУ-ГА-ША

Была опять ночь, и опять Алэ и Чатур не спали.

Бум! Бум! Бум! доносилось из-за леса.

Алые зарницы вспыхивали теперь все ближе и ближе.

Уже сегодня днем какие-то белые люди в пробковых шлемах с зелеными вуалями приезжали сюда на конях и что-то размеряли на земле. Потом они сосчитали всех мужчин в селении и о чем-то говорили между собою.

Алэ сжимал кулаки и раздувал ноздри, однако ударить белого человека он не решился, а между тем ему так хотелось его ударить. Но белые люди внушали ему какой-то необъяснимый страх, сковывавший ему руки, словно цепями.

Чатур, качая головою, смотрел на него.

– Завтра нас погонят на работу, – вдруг сказал Алэ и что было силы ударил кулаком о камень.

– Твоя рука еще тебе будет нужна, – спокойно заметил Чатур.

– Их огонь уже совсем близко, а гром их не дает никому спать. Завтра мы будем рабами, то есть вы... А я умру.

– И ты тоже будешь рабом, – все так же спокойно произнес Чатур. – Ты не умрешь, Алэ.

Алэ завыл, как шакал, в бессильной злобе. Должно быть, он сознавал, что Чатур был прав. Он не умрет... Но жить рабом. И-их...

– Ступай спать, – сказал Чатур, – чего ты ждешь?

– Я не пойду спать, – упрямо возразил Алэ.

И оба они умолкли и сидели молча, глядя на мерцающее зарево и слушая гром.

Тихий свист вдруг раздался в заросли.

Алэ выпрямился так мгновенно, словно вместо мускулов у него были стальные пружины.

– Ты слышал, Чатур?

– Слышал.

– Слушай еще...

Прошло несколько секунд, и опять тот же свист раздался в кустах.

И тогда Алэ, отставив вперед правую ногу, вложил пальцы в рот и свистнул так, что Чатур сухой веточкой почесал себе оба уха.

Из заросли явились две тени.

Одна тень была большая, другая поменьше.

Взрослый и мальчик.

Алэ сжал грудь в страшном волнении.

– Черный Лев, – сказал Чатур.

И оба пошли навстречу теням.

На поляне перед идолом Му-га-ша поздно ночью собралось все племя.

Здесь были старики и старухи с длинными ожерельями. Тут были молодые мужчины и женщины, державшие на руках младенцев.

Старый жрец племени, в странном одеянии из перьев и шкур, сидел возле деревянного бога и бормотал что-то, известное лишь ему одному.

Жак сидел тут же в сторонке.

Он чувствовал себя как-то не в своей тарелке среди мрачных черных лиц, хотя никакой опасности ему пока не угрожало. Его привел сам Черный Лев; это было хорошей рекомендацией.

Однако Жак предпочел бы сейчас находиться где-нибудь на марсельской пристани. Там всегда было много моряков, которые любили рассказывать о своих плаваниях. А тут кроме Черного Льва никто его не понимал, да и тот обычно обрывал разговор в самом начале.

Черного Льва ждали на поляне.

Все с нетерпением смотрели на тропинку в заросли, откуда он должен был появиться.

Зашуршали кусты.

Человек без головы в белой куртке шел по тропинке.

Жак вздрогнул.

Перед его глазами вдруг пронесся освещенный огнями Марсель и широкое окно перед подзорною трубой.

Человек без головы вышел на поляну.

Теперь у него вдруг явилась голова. Ее просто не было видно на фоне темного леса.

Это был Черный Лев.

Он подошел к деревянному идолу и торжественно поднял деревянную руку.

Глухой вопль пронесся по рядам собравшихся.

Черный Лев выждал, пока снова водворилась тишина, и затем начал говорить, должно быть, рассказывать. Деревянную руку он при этом положил на землю.

Жак не мог понять ни одного слова из того, что говорил Черный Лев, и он все-таки понимал. Это был удивительный рассказ, где каждое слово сопровождалось жестом и жестом таким выразительным, что он казался понятнее слова. Жаку вспомнился кинематограф, в котором он был раза два на скопленные деньги. Там говорили так же.

Вот Черный Лев изобразил, как трудно ходить по марсельским улицам, как тесно там и шумно. Он прогудел автомобилем, прозвякал трамваем, щелкнул пальцами, словно бичом. Вот он изобразил, как люди сидят и пьют, и как кто-то ходит и разносит подносы. Поза, которую при этом принял Черный Лев, показалась Жаку поразительно знакомой. Да ведь это Минюи. Вот Минюи сидит в своей конторе и щелкает на счетах. Черный Лев сжал кулаки, и лицо его выразило ярость, потом презренье. Такую же ярость и такое же презренье изобразили и другие черные лица.

– Милэ, – кричали все, – Милэ! – и потрясали кулаками.

Жак вдруг понял: – Милэ – Минюи, сын Черного Льва.

– Хо! Хо! Какое дело...

Черный Лев изобразил вдруг человека, сидящего за столом и словно пишущего.

Многие при этом вздрогнули и закрыли руками лицо, словно боялись ослепнуть.

А вот Черный Лев крадется, как змея, и хотя в его правой руке ничего нет, но Жаку показалось, что в ней блеснул нож. Вот он осторожно подходит, вот подымает руку...

Жак ясно ощутил на затылке подзатыльник, полученный им тогда от владельца трубы.

– Ну, ну! Рассказывай дальше, Черный Лев.

Черный Лев огляделся, словно боялся, не наблюдают ли за ним, потом он быстро взял деревянную руку, а вместо нее словно положил что-то, и Жак понял, что он подменил одну вещь другою. Если бы Шарль Рекло видел этот жест, он бы понял, почему на той руке не было пыли!.. Затем он поднял руку бога и с диким криком радости подпрыгнул так высоко, словно тело его стало невесомым.

И все подпрыгнули, и Жак из вежливости тоже подпрыгивал, хоть и не вполне ясно сознавал, чему все радуются.

Принесли глиняную чашу и долго на огне кипятили в ней что-то. Затем жрец окунул в чашу перья, связанные наподобие кисти, и помазал обрубок руки идола.

Тогда Черный Лев приложил к идолу руку.

Снова вопль раздался в толпе.

И все по очереди поддерживали руку, пока застывал клей, вытопленный из костей животных.

Теперь бог простирал к небу две руки, и все плясали и вопили, а Жак тоже плясал и вопил, полагая, что иначе у негров будет основание обойтись с ним как-нибудь не вполне любезно.

Черный Лев, несмотря на свою старость, не отставал от других, и даже Чатур мерно поднимал свои разбухшие от старости ноги.

Жак был оглушен этими криками и воплями.

Всю ночь продолжалась пляска.

С особенным увлечением плясал Алэ.

Казалось, он радуется тому, что громкие вопли заглушают все звуки ночи, и не слышно страшного грома.

Но заря вспыхнула на востоке, и все вдруг умолкли.

Водворилась полная тишина.

С ужасом прислушался Алэ.

Но грома не было слышно.

Не веря своим ушам, дикими прыжками побежал он к той скале, откуда недавно еще метнул бессильное копьё.

И все, сколько их было, ринулись за ним.

Торжественна и спокойна была розовая пустыня.

И все было спокойно и тихо.

Гром умолк, и зарницы не спорили с рассветом.

Неподвижно, затаив дыхание, стояли дикари и внимали благодатной тишине.

У Алэ на лбу раздулись жилы, словно веревки. Если сейчас грянет этот гром, он бросится со скалы прямо на острые камни и навсегда перестанет слышать что бы то ни было.

Магура с ужасом наблюдала за ним.

Но все было тихо и спокойно.

Уже солнце поднялось над пустыней и впилося огненными булавками в голые черные спины.

Гром не гремел.

И тогда из сотни толстогубых ртов вырвался такой вопль, что, казалось, самая скала задрожала.

XV

РОБЕРТ САМ-ПО-СЕБЕ

Солнце заходило.

Огромные наскоро построенные бараки и шалаши казались багряными при его последних лучах.

Красными полосами сверкали только что проложенные рельсы.

Среди зелени пальм пестрели попугаи и кривлялись мартышки.

Огромные лебедки, словно хоботы каких-то чудовищ, торчали здесь и там среди мастерских, заваленных всевозможными материалами.

Еще вчера все это жило полной жизнью. Еще вчера грохот взрываемых пней потрясал далекие скалы.

Сегодня все замерло. В мастерских царила зловещая тишина.

Рабочие группами толпились возле бараков, поглядывая на оранжевый океан.

Солнце зашло, и океан сразу стал синим, как сталь.

Звезды засверкали на востоке.

На стенах барака белели приказы, подписанные главным инженером!

«Работы прекращаются ввиду происходящих в Европе событий».

Эти «происходящие в Европе события» можно было назвать одним словом – «война».

– Наконец-то подошло время Франции постоять за себя! – кричали некоторые. – Довольно зазнавались колбасники. Теперь с помощью России мы разобьем их в пух и прах, и вернем себе Эльзас и Лотарингию.

– А если немцы нас побьют?

– Молчи, трус!

– Да здравствует Франция!

Этот последний возглас раздавался всюду.

Господин Фабр, главный инженер, каждый раз, когда слышал этот возглас, выпивал стакан холодного белого вина с лимоном и с сахаром.

Он сидел в компании инженеров под тростниковым навесом и с каждым стаканом становился все веселее и веселее.

– Наконец-то! – воскликнул он. – Наконец-то! Друзья мои, старая Франция постоит за себя. Мы все пойдем, как один человек, и грудью раздавим ощетинившуюся немецкую свинью.

Господин Фабр при этом выпятил грудь, словно уже собирался раздавить немцев.

– Мне было пять лет, когда немцы нас победили, тогда, при Наполеоне третьем. Я помню, как мы голодали в Париже во время этой проклятой коммуны. Мы пробовали есть кошек и разочаровались. Их нельзя было укусить, хотя наш повар готовил их очень вкусно и подавал на блюде с головою и с цапками. А крысы – вот это вкусно... Крыс мы ели в виде рагу. Да. Франция тогда переживала невеселые дни. Но все честные патриоты говорили: «Подождем. Будет и на нашей улице праздник». И вот мы дождались.

Инженер Дюру залпом выпил стакан.

– Да, и мы победим. Да здравствует Франция! Все присутствовавшие подхватили этот крик.

– Жалко, что не успели достроить дорогу.

– Мы ее достроим через полгода, когда раздавим немцев.

Среди инженеров был один техник, еще почти юноша. Его год был уже призван во Франции. Через несколько недель он должен был уже вступить в ряды сражающихся, в один из саперных батальонов.

Господин Фабр подошел к нему, обнял и поцеловал со слезами умиления.

– Я завидую вам, молодой человек, – сказал он. – Вы имеете возможность положить свою жизнь за нашу прекрасную родину. О... это великое счастье. Большого счастья не бывает на свете. Поздравляю вас, юноша.

Бокалы опять наполнились до краев, все чокнулись.

Молодой техник смущенно принимал поздравления.

Он вдруг ясно представил себе, как он умирает за родину: рядом с ним взрывается немецкий снаряд, осколки с невероятной силой врезаются ему в живот, в грудь, рвут его на части. Он слегка побледнел, но чокнулся и выпил до дна свой бокал.

– Да здравствует Жюль Латур! – закричали все. (Так звали молодого техника.)

Уже все звезды высыпали на небе, и южный крест сверкал торжественно и ослепительно.

Жюль Латур вышел из-под тростникового навеса и пошел к берегу.

Ему было грустно.

Он подумал о своем отце, простом рабочем, работающем на автомобильном заводе около Бордо.

Старик так гордился, что из его сына вышел настоящий хороший техник.

И сам Жюль Латур так любил свою работу. Здесь, в Африке, ему дали ответственную должность, и он хорошо с нею справлялся.

И вдруг теперь итти подставлять свою грудь под бессмысленные немецкие снаряды, которые сотрут его в порошок или – еще хуже – искалечат на всю жизнь.

Жюль Латур не был трусом, но ему так хотелось жить. Казалось бы, простое и естественное желание, однако теперь оно могло как раз оказаться неисполнимым.

Он подошел к группе рабочих и остановился послушать, о чем они говорят.

– Ну, и ступайте воевать, – говорил насмешливый голос, – желаю вам побольше орденов и наград. Дослужитесь до генеральского титула, обшейте себе блузы золотыми галунами. Тогда вы еще больше будете похожи на петухов.

– Роберт Сам-по-себе, ты мелешь чепуху.

Тот пожал плечами.

– Всем вдруг приспичило умирать неизвестно за что. Сделайте одолжение!

– Как – неизвестно за что? За родину.

– Ведь если эдак рассуждать, господин Латур, так, пожалуй, жильцы одного дома имеют право убивать жильцов другого дома. Если я родился на одном берегу реки, а вы на другом, так уж мы имеем право душить друг друга... Странноватая философия... Я не этой школы.

– А воевать вам все-таки придется.

– Это еще бабушка надвое сказала.

– То есть как так?

– А вот так...

Откуда-то издалека донесся грозный рокот льва.

– Ишь, расходился! – пробормотал Роберт.

Он пошел вдоль по берегу.

Латур постоял некоторое время в нерешимости, а затем последовал за ним.

Ему хотелось отвести душу.

Разговаривать с честными патриотами ему было как-то жутко. Они все только и делали, что поздравляли его со скорою и славною смертью.

Фигура Роберта ясно вырисовывалась на фоне звездного неба.

Он шел по береговым камням, отшлифованным прибоем. Затем он вдруг исчез. Исчезновение его было так внезапно, что Латур в первую минуту подумал, не упал ли он в море поскользнувшись.

Плеск мог быть заглушен прибоем. Предположение это было, впрочем, мало вероятно, ибо Роберт отличался ловкостью, достойной акробата.

Латур продолжал идти, шагая по гладким камням.

Камни становились все больше и больше. Они громоздились друг на друга и превращались в целые скалы, о которые с глухим грохотом разбивались искрящиеся волны.

Вдруг среди скал блеснул огонь.

Латур остановился.

Перед скалою со странным темным отверстием вроде дупла стоял Роберт и разглядывал что-то при свете электрического фонарика.

Латур инстинктивно подался за скалу.

Роберт между тем погасил фонарик и, насвистывая, пошел назад, как кошка перепрыгивая с камня на камень. Скоро его высокая фигура слилась с синим мраком ночи.

Латур, побуждаемый любопытством, подошел к отверстию в скале и зажег спичку.

Он увидел какие-то свертки, винтовку, револьвер и охотничий нож.

Удивленный, он забыл потушить спичку и опомнился только тогда, когда она обожгла ему пальцы.

Смутная догадка пришла ему в голову.

Он долго стоял задумавшись перед темною дырою, затем пошел обратно.

Далеко в море сверкали огни парохода.

Это шел большой транспортный пароход, который должен был увезти всех тех, кто подлежал мобилизации.

Латур вспомнил, как еще несколько дней тому назад кипела работа в этом тропическом лесу, и ему стало досадно.

Наверное, уже там, в Европе, грохочут пушки и сметают все то, что воздвигалось с таким трудом стольких долгих лет. Бум! И разрушен вокзал. Бум! Провалился мост. Бум! Разлетелся в кусочки дом, и исковерканные люди задыхаются под обломками.

Война.

– Оге, Латур! – послышался в темноте голос.

Это господин Фабр любовался тропической ночью.

– Плутиска! Небось, мечтает о генеральских нашивках.

Молодой техник ничего не ответил.

– Покойной ночи, ваше превосходительство! – И в торговле от своей шутки, господин Фабр пошел спать.

XVI

ЛЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Огромный пароход «Родина» был готов к отплытию во Францию.

На этом пароходе должны были отправиться все те, кто по своему возрасту подлежал призыву на военную службу.

Молодые рабочие толпились на пристани.

Настроение было у всех приподнятое и неестественно радостное.

Все делали вид, что едут на какой-то веселый праздник.

Однако очень часто лица омрачались тайною думой. В ушах уже слышался грохот орудий и разрыв снарядов. Убьют. А что будет с женой, с детьми?

Рельсы недостроенной дороги ослепительно сверкали в лучах тропического солнца.

Группа инженеров собралась на берегу.

– Где же Латур? – слышались голоса. – Латур!

– Он, верно, еще не успел собраться.

– Что ж он так долго копается? Ведь сейчас будет переключка, а там – пожалуйста. «Родина» уже стоит под парами.

– Сейчас придет.

Океан в этот день был спокоен, и линия горизонта туманилась в легкой дымке, предвещавшей штиль.

Пальмы не шевелили своими тяжелыми листьями.

Жара была нестерпимая.

Вдруг в группе рабочих произошло движение; появились два человека, один из которых держал в руках лист бумаги – список.

– Сейчас будет переключка, – раздались голоса. – Кажется все собрались.

– Тише, приятели, тише, – крикнул человек, державший список.

Это был небольшого роста полный француз по прозвищу Жако.

– Сейчас мы проверим, все ли налицо из тех, на чью долю выпало счастье умереть за родину... А... гм... Поль Фабр!

– Здесь.

– Шарль Бово!

– Здесь.

– Пьер Тулон!

– Здесь.

– Шарль Куно!

– Здесь.

– Роберт Лангуст.

Молчание.

– Роберт Лангуст... Роберт Лангуст...

– Эй, – раздались возгласы, – Роберт Сам-по-себе, где ты?

Никто не откликнулся.

– Где же он?

– Может быть, замешкался в бараке?

– Ну ладно, мы его отметим и вызовем еще раз в конце.

– Анри Сигаль!

– Здесь.

Переключка продолжалась минут двадцать.

Все оказались налицо, кроме одного.

– Роберт Лангуст.

Молчание.

Побежали в барак. Но в бараке все было пусто.

Жако нахмурился.

– Что же это значит? Надо будет переговорить с господином Фабром.

Господин Фабр в белом костюме и в пробковом шлеме стоял среди инженеров и говорил о преимуществе французской армии.

– Да, немцы дисциплинированы. Это знает всякий. Но разве в дисциплине дело? Воодушевлены ли они так же, как мы? С уверенностью заявляю: нет, нет и нет. Мы, французы, при слове Франция вспыхиваем, как порох, а немцы....

– Простите, господин Фабр, что я вас перебиваю, – сказал Жако, подходя, – но время не терпит. Один рабочий из призывных скрылся.

– Кто?

– Роберт Сам-по-себе.

– Куда же он делся?

– Его искали повсюду... Многие говорят, что он не очень был доволен войной. Боюсь, что он дезертировал.

– Ах, скотина!

– Придется объявить приказом. Тот, кто его найдет, обязан донести о месте его пребывания и передать властям.

– Разумеется... Ах! И во Франции есть предатели.

– Некультурность!

– Низкая степень развития!

– Он всегда отличался грубостью и упрямством.

– Разрешите произвести перекличку среди вас, господа.

– Пожалуйста.

– Жан Кристо!

– Здесь.

– Рауль Верите!

– Здесь.

– Жюль Латур!

Молчание.

– Господин Жюль Латур!

Все инженеры переглянулись.

– Кто-нибудь видел Латура?

– Вчера я его видел, а сегодня как будто нет...

– Может быть, он еще у себя...

– Нет, я сейчас там был... Его комната пуста.

– Что за вздор!..

Господин Фабр вдруг побагровел.

– Не дезертировал же он, в самом деле...

Жако недоуменно пожал плечами.

Несколько приятелей Латура вызвались его разыскать.

Но они вернулись ни с чем.

Тогда господин Фабр произнес торжественно, подняв руку к небу:

– Клянусь, мне стыдно, что он имеет одинаковый со мной диплом.

– Он спасется от немецких пуль, но погибнет от змей или диких животных.

– От души желаю, чтобы удав переломил ему кости.

Сирена «Родины» наполнила всю окрестность густым, страшным ревом.

– Может быть, они еще появятся...

– Франция одолеет Германию и без этих двух трусов.

– Да здравствует Франция!

Первая шляпка отплыла от берега.

Господин Фабр снял шляпу.

– Да здравствует доблестная французская армия!

– Ура!

– Да погибнут трусы!

– Ура!

Вторая шляпка отплыла, за ней третья, четвертая.

«Родина» выбрасывала из двух огромных труб густое облако черного дыма. Дым этот затемнял солнце и заглушал ароматы тропических цветов.

А шляпки все отплывали одна за другою.

В густой тропической заросли пробирался человек.

С ружьем за плечами и с широким ножом у пояса он шел спокойной и уверенной поступью, насвистывая песенку.

Обезьяны прыгали в темнозеленой листве. Резко кричали пестрые, красные и синие попугаи.

Вдали прогудела пароходная сирена.

Путник презрительно вскинул плечи.

Вдруг он остановился и прислушался.

Ему послышались чьи-то шаги позади.

Он быстро прислонился к дереву и, сняв со спины ружье, проверил затвор.

Шаги на минуту замерли.

– Роберт! – произнес чей-то голос.

– Кто идет?

– Свой.

– Кто свой?

– Вот кто.

И Жюль Латур вышел из заросли.
У него за плечами тоже было ружье.
Он с некоторым смущением посмотрел на Роберта.
Но у того глаза сверкнули радостью.

– Тоже удрали? – спросил он, опуская ружье.

– Тоже удрал.

– Значит вместе?

– Вместе.

Роберт от удовольствия даже пальцами прищелкнул.

– Вместе-то веселее, – сказал он.

Они оба пошли в глубь леса.

А вдали завывала пароходная сирена, но звук ее становился все тише.

XVII

ВЕЛИКИЙ КОЛДУН

Жак был в общем доволен своей жизнью в негритянской деревне. Его чернокожие сверстники очень дружелюбно на него поглядывали и при этом скалили свои ослепительно-белые зубы.

Жак считал себя довольно ловким. Бывало, в Марселе на пристани редко кто из мальчиков мог за ним угнаться. Но перед черными ребятами он решительно пасовал.

Это были какие-то обезьяны. Они во мгновение ока залезали на самые высокие пальмы, кувыркались, как мячики, бегали, словно зайцы.

Жак привык к жаркому солнцу и скоро переменял свой европейский костюм (вернее – остатки своего костюма) на более простой, африканский.

Он просто перепоясывался поясом, сплетенным из какой-то травы и листьев. В таком одеянии бегать было куда удобнее.

Черный Лев, исполнив свою миссию, стал гораздо добрее и уже никогда не приставлял Жаку к горлу своего ужасного ножа. Вообще все негры ликовали. Постройка дороги прервалась самым удивительным образом.

Му-га-ша приносили благодарственные жертвы.

Деревянный урод равнодушно принимал приношения, простирая к небу руки.

О будущем Жак думал мало. Он помогал Черному Льву по хозяйству, а тот кормил его. Пока Жаку не нужно было ничего больше.

Однажды вечером из лесу прибежали ребяташки и сообщили, что они видели двух белых людей с ружьями, которые шли лесом.

Охваченное мгновенно тревогою племя собралось на поляне. Алэ уже начал тревожно прислушиваться. Ему уже снова чудился гром за этим древним лесом.

Два человека вышли на поляну.

Они были, правда, белые с негритянской точки зрения.

То есть они были светлее сапожной ваксы и цветом кожи напоминали скорее темную бронзу. Однако это были несомненно белые, ибо волосы их не были курчавы, губы были гораздо тоньше пальца, а зубы не сверкали, как снег.

Все племя при виде их угрожающее ухнуло.

– Ну, ну! – произнес по-французски один, – разве так встречают гостей?

Жак подпрыгнул, по крайней мере, на метр.

– Дядя Роберт!

– Жак!

И оба обнялись, к великому удивлению всех присутствующих.

– Черный Лев, – кричал Жак, – этой мой дядя! Он очень симпатичный. Вы его пожалуйста не ешьте или вообще не убивайте. Он пришел с самыми лучшими намерениями.

– Ну, конечно, – подхватил Роберт. – Я просто пришел к вам в гости... Хотите, могу давать вам уроки двойной итальянской бухгалтерии... Или вам это ненужно? Хо-хо!.. Ну, научу вас делать яичницу по-марсельски. Тоже не хотите?.. Ну, что-нибудь придумаем. А вообще говоря, я – парень ничего.

Он поднял камень и швырнул его очень высоко. Затем схватил ружье и выпалил. Камень рассыпался осколками. Толпа замерла в почтительном восхищении.

– А теперь, Жак, – сказал Роберт, садясь на груды сучьев, – расскажи, как ты-то попал в эти чортовы дебри.

Жак начал рассказывать.

Он невольно перенял замашки Черного Льва и, рассказывая, то полз, как змея, то кувырчался вместе с опрокинувшейся «Габонией», то убеждал Черного Льва не резать его.

Роберт слушал, одобрительно смеясь.

Жак рассказал о тех невероятных лишениях, которые перенесли они, скитаясь по тропическим зарослям, пока не добрались до родного селения Черного Льва. «Габонию» приблизило к берегу много севернее. Им пришлось пробираться через непроходимые чащи, где смерть подстерегала их со всех сторон. Если начать все рассказывать, так не расскажешь и в целый год. Один он давно бы погиб. Но Черный Лев слышал за целую версту поступь пантеры, а шипение змеи – и еще того дальше. И все-таки это чудо, что они уцелели...

Когда же дошло дело до Му-га-ша, Роберт расхохотался во все горло.

– И ты думаешь, что из-за этого уroda прекратилась постройка дороги? Война началась... Европейская война... Эх ты, а еще европеец!

– Да я разве знал, что война, – пробормотал Жак смущенно.

Роберт между тем что-то обдумывал.

– Знаешь, Латур, – сказал он, – я придумал славную штуку. Не я буду, если эти чернокожие не станут нашими первыми друзьями.

– Ну что ж. Действуй! – сказал Латур.

Во время путешествия он мог убедиться, что Роберт Сампо-себе зря ничего не делает.

– Вот что, Черный Лев, – сказал Роберт, обращаясь к негру так, словно они были старыми приятелями, – собери-ка всю эту компанию к идолу. Я хочу сказать им два слова.

Черный Лев передал его слова.

Толпа побрела к тому месту, где стоял идол.

Между тем наступила ночь.

Взошла луна, яркая как солнце.

Жрец развел в честь Му-га-ша большой костер, озарявший идола оранжевым блеском.

– Вот что, – закричал Роберт, когда все собрались. – Вы думаете, это страшило правит миром? Миром правит вот что.

И он выразительно хлопнул себя по лбу.

– Разум! Смекалка! Поняли? Дошло?

Черный Лев перевел и так же хлопнул себя по лбу.

– Вы думаете – это бог? Это кусок дерева и, скажу вам, довольно безобразный кусок дерева... Я бы не поставил такую штуку у себя в комнате для украшения. Вы думаете, что белые люди ушли из-за того, что этот ваш Му-га-ша получил назад свою законную руку? Дурачье! Война началась. Величайшая война. Белые люди грызут друг другу горло, как гиены. Умные набивают себе карманы, а дураки подставляют свои груди под немецкие и французские пули... Хотите посмотреть, какое имеет отношение ко всему этому ваш идол? Вот!

И он толкнул идола прямо в костер.

Крик ужаса пронесся по толпе и замер.

Страх сковал всех.

Алэ зажал уши, чтобы не слышать грома.

Пламя мгновенно охватило идола. С треском запылали безобразные руки и ноги.

– Видите, он горит, – кричал Роберт, не заботясь о том, что Черный Лев, охваченный ужасом, уже не переводит его слов. – Видите, он горит, а кругом царит такая же тишина. Никто не взрывает баобабов, никто не бьет молотом по железу. Белые люди поехали воевать. Дураки, они скоро поймут, что такое война, но уже будет поздно! Поздно для тех, кого успеют сразить пули... Правильно я говорю?.. А?..

Роберт, увлеченный ораторским пылом, забыл, что его никто не понимает. Все негры смотрели на него с ужасом, а он стоял, озаренный пламенем костра, и кричал, вдохновенно размахивая руками.

– Строили дома! Железные дороги, аэропланы! И все для чего? Чтобы уничтожить все это снарядами! Калечить и уродовать друг друга! Несчастные, жалкие дураки! Ну, да они добьются! Не я буду, если после этой войны земной шар не лопнет по всем швам! Уф! Так-то!

Дикари смотрели на него все с тем же почтительным вниманием.

Жрец протягивал ему какое-то ожерелье из костей рыбы и о чем-то умолял его.

– Будь нашим богом! – сказал Черный Лев.

Роберт вдруг остановился.

– Слишком много чести, – произнес он. И хотя это было смешно, он не рассмеялся.

Ему ясно представился огромный мир, там где-то война, кровь течет рекою и заливает нивы, тут непроходимые суеверия, первобытная дикость, как тысячу лет назад.

Он надел на себя ожерелье.

– Иногда приходится быть богом, – пробормотал он, – ничего не поделаешь!

Латур усмехнулся.

– Фабр сулил тебе быть только генералом.

– Подымай выше! Но надо сказать Черному Льву, что у богов тоже бывает аппетит.

Они ели мясо газели, пили пальмовое вино и говорили о войне, которая потрясет всю Европу, а может быть, и весь мир.

А Европа между тем все щетинилась, как сердитый еж.

– Значит, Черный Лев зря притащил сюда эту руку? – спросил Жак.

– Зря и не зря. В жизни все так. Много делается зря, но если бы это не делалось, не было бы жизни, не было бы истории... Люди, делая глупости, учатся быть умными... Вот. А теперь довольно болтать. Будем спать. Так-то, Жак. На свете жить интересно?

– Интересно.

Они заснули.

Как знать, может быть, мы с ними еще когда-нибудь встретимся.

Оглавление

I. Медальон госпожи Лазар	7
II. Венецианская ведьма	12
III. Астрономия на пустой желудок	19
IV. Трудное положение	22
V. Сенсационное убийство	27
VI. Невидимый собеседник	31
VII. Однорукий бог	37
VIII. Голубая пустыня	44
IX. Почему на ней нет пыли	47
X. Страшная шляпка	53
XI. Буря	59
XII. Неожиданность	65
XIII. Черный Лев	68
XIV. Му-га-ша	74
XV. Роберт Сам-по-себе	79
XVI. Лесная встреча	84
XVII. Великий колдун	89

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.